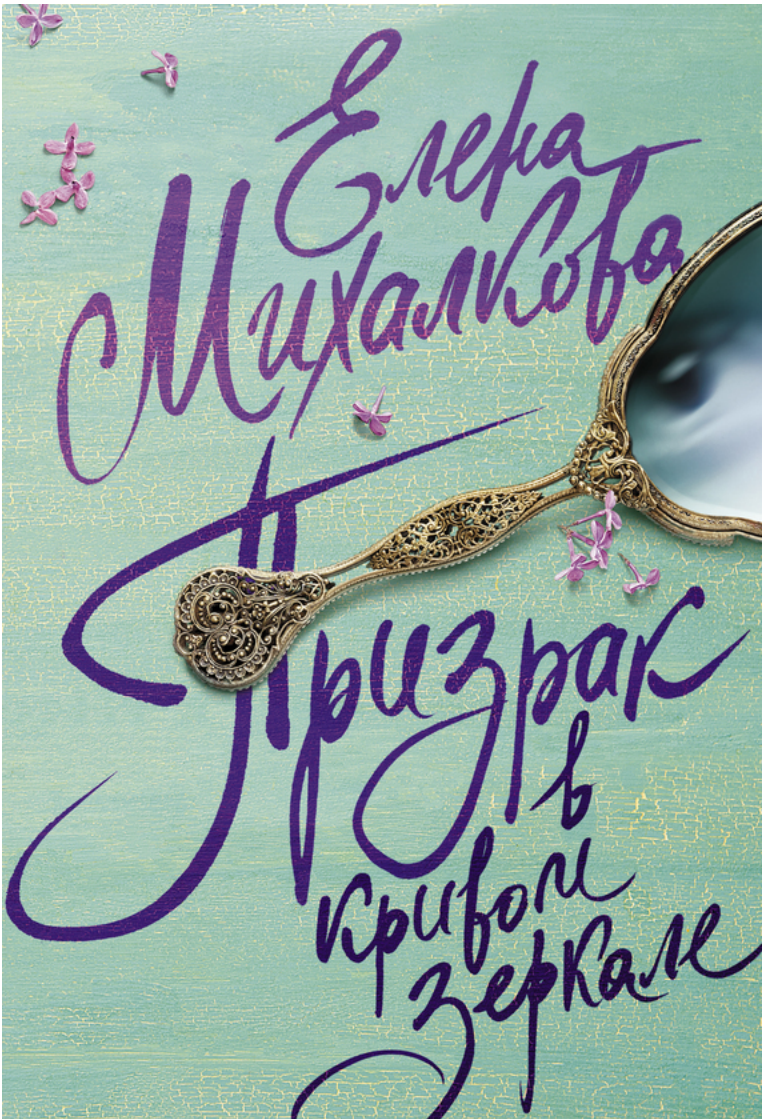
Елена Михалкова



Призрак в кривом зеркале

Елена Ивановна Михалкова

Призрак в кривом зеркале

Серия «Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178916
Призрак в кривом зеркале : [роман] / Елена Михалкова: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-090833-2

Аннотация

Частный детектив Марк Илюшин отправился в маленький провинциальный городок, чтобы поймать привидение… Старый дом, утопающий в цветах сирени, стал надежным пристанищем этого удивительного призрака. Но история убийств, которую удалось раскрыть сыщику, оказалась намного страшней любой мистики. А ее участники мирно пьют кофе, улыбаясь друг другу, и определяют свою следующую жертву.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 21
Глава 3 59
Глава 4 94
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Елена Михалкова
Призрак в кривом зеркале

© Михалкова Е. И., 2015
© ООО «Издательство АСТ»

*** * ***

Глава 1

Когда Макар вышел к нужному дому, уже стало смеркаться. Фонари не горели, и улица казалась подернутой нежной сиреневой дымкой, сгущавшейся к палисадникам и светлевшей к середине дороги, где в здоровенной сухой рытвине лениво развалилась пожилая коротколапая черная собака с толстыми боками.

– Пятнадцать дробь пять, – прочитал вслух Илюшин номер на доме и поправил спортивную сумку, висевшую на плече.

Прежде чем нажать на белую кнопку звонка, он оглянулся, подумал пару секунд и наконец перешел на противоположную сторону дороги, косясь на собаку. Шкура на ее боку собралась лоснящимися складками, словно кто-то художественно разложил отрез бархатной ткани.

– Откормили тебя, голубушка, – заметил ей Илюшин, проходя мимо.

Собака покосилась на него слезящимся глазом и тяжело вздохнула.

Остановившись возле столба, Макар непринужденно прислонился к нему и окинул взглядом улицу напротив.

Дом действительно был особенным, как ему и рассказывали. Двухэтажное бревенчатое здание на красной каменной подклети потемнело от времени, и старые наличники

сливались со стенами, однако, приглядевшись, можно было рассмотреть замысловатые узоры резьбы. В четырехскатной крыше виднелись два квадратных окошка-бойницы, смотревших запылившимися стеклами в вечернее, налившееся красным небо. Те же окна, что выходили на улицу, казались чисто вымытыми, и на втором этаже за одним из них горел приятный мягкий свет, приглушенный желтыми шторами.

– Интересно, зачем наверху окошечки? – пробормотал себе под нос Илюшин. – Кто же придумал в такой крыше окошечки проделать?

Дверь со звонком разделяла дом на две половины, а над ней нависал потемневший бутафорский балкончик, также богато украшенный резьбой. К двери вели три широкие деревянные ступеньки, по которым Макар поднимался несколько минут назад, заметив, что средняя проломилась и под ней можно разглядеть песок и сгнившие доски. Крайнее левое окно на первом этаже было плотно закрыто ставнями и, кажется, заколочено.

«Любопытно было бы узнать, сколько лет дому. Заря Ростиславовна сказала, что это дореволюционная постройка, но в таком случае он удивительно хорошо сохранился…»

Справа и слева от двухэтажного здания прятались за палисадниками с традиционной сиренью одноэтажные дома, казавшиеся небогатыми родственниками рядом со своим высоким соседом, хоть и обедневшим, но сохранившим мрачное достоинство. Во дворе правого, выкрашенного сочной синей

краской, стоял высокий седой старик в ватнике, с садовыми ножницами в руках, и поглядывал на Илюшина. Слева же никого не было: только за окнами, казалось, мелькали какие-то силуэты – но, приглядевшись, Макар решил, что это лишь игра теней.

Собственно, на левом домике улица обрывалась, превращаясь в тупичок: отсюда начинались густые заросли боярышника, в которых шуршало, шелестело и издавало негромкое ворчание какое-то существо. За боярышником неуловимо чувствовалась вода: Илюшин даже принюхался, но уловил лишь аромат сирени, все сильнее наполняющий вечер.

В двухэтажном доме зажглось второе окно, и Макар решился. Он уже сделал шаг по направлению к двери с белым звонком, как вдруг из кустов боярышника вышмыгнула ободранная кошка и стрелой пролетела мимо собаки. Кусты за ней продолжали шевелиться, будто в них осталось сидеть, поджидая добычу и устраиваясь поудобнее, молчаливое чудище. Собака, даже не взглянувшая вслед кошке, приподняла плешивую голову и опасливо покосилась сначала на заросли, затем на человека, замершего в двух шагах от нее.

Ступеньки не скрипнули, когда Илюшин поднялся на крыльцо, но ему показалось, что за долю секунды до нажатия на кнопку звонка внутри, за дверью, кто-то негромко вздохнул.

Трель мелодично разнеслась по дому, минуту спустя внут-

ри зазвучали шаги, и Макару открыли.

– Здравствуйте. – За дверью стоял белобрысый парень лет двадцати с небольшим – высокий, тощий, бледный, с прищуренными глазами. Кадык на шее у него выпирал так, словно парень проглотил что-то острое, вставшее поперек горла. За спиной парня горела тусклая лампочка, и в дверную щель Макар разглядел старый кованый сундук, накрытый сверху темно-синей потертой скатертью.

– Добрый вечер, – Илюшин обаятельно улыбнулся, сбросил с плеча спортивную сумку. – Мне сказали – у вас можно комнату снять?

Парень окинул Макара внимательным взглядом, словно ощупал.

– Можно… – протянул он, и на лице его появилось подобие приветливой улыбки, хотя в глазах осталась настороженность. – Проходите, пожалуйста.

Илюшин вошел в дом, и дверь за его спиной стала закрываться сама. Последнее, что он увидел снаружи, обернувшись, был внимательный, почти человеческий взгляд собаки.

– Откуда вы узнали о нашей гостинице? – Парень приглашающим жестом указал на тускло освещенную лестницу.

– В санатории рассказали, – не моргнув глазом солгал Илюшин. – Я хотел бы сначала посмотреть комнату…

– Разумеется! – Провожатый с каждой секундой становился все дружелюбнее, и отчего-то это совершенно не нрави-

лось Макару. – Сейчас все комнаты свободны, поэтому я покажу вам самую лучшую… Надеюсь, она вас устроит.

Поднявшись на второй этаж, парень порылся в кармане и извлек оттуда ключ с маленьким номерком.

– Прошу вас.

Он открыл дверь, включил свет, и Макар оглядел небольшую, но уютную комнату, ничуть не похожую на казенные безликие номера в гостиницах.

– Дом старый, поэтому ванных комнат только две – на первом и втором этаже, – предупредил парень. – Одна неделя проживания с завтраками и ужинами стоит семь тысяч, без питания – пять. Если вас устраивает цена…

– Устраивает! Более чем устраивает! Если бы вы видели, какие номера предлагают в вашем санатории… К тому же мне всегда хотелось пожить в старом доме, проникнуться, так сказать, его духом! И завтраки с ужинами тоже нужны, как же без них…

Илюшин болтал, играл в дурачка, осматриваясь с непритворным любопытством, не давал вставить тощему ни одного слова, в то же время стараясь не перегнуть палку. Опасности, о которой говорила ему Заря Ростиславовна, он не чувствовал, и это было странным и неожиданным: ведь откуда-то взялась напряженность в этом бледном тонкогубом парне с холодными голубовато-серыми глазами. Напряженность Илюшин чувствовал позвоночником, он улавливал флюиды неприязни и страха, исходившие от провожатого.

Но дом пока затаился, недоверчиво рассматривая нового человека, не выдавая себя ничем. «Интересно будет проверить, что же здесь в действительности…»

Дверь наискось от них открылась – Макар успел удивиться тому, что за ней собрались четыре человека, однако он не слышал голосов, – и из освещенной комнаты вышла высокая белокурая дама с такой гладкой, почти фарфоровой кожей лица, что на мгновение в памяти Илюшина всплыла немецкая кукла, виденная им в гостях, когда он был ребенком. Те же большие глаза, чуть припухшие снизу, красиво очерченный рот, маленький носик и нарисованные брови над внимательными голубыми глазами. И такая же фарфоровая улыбка – немного застывшая, чуть более радушная, чем требуется, слегка искусственная, словно дама и в комнате сидела с тем же выражением лица, с которым вышла к гостю. Бежевое вязаное платье с длинным кружевным подолом облегало стройную фигуру, а на шее посверкивал золотой кулон в форме цветка.

– Здравствуйте, – сказала дама, плотно прикрывая за собой дверь. – Вы наш новый гость?

– Хотел бы им стать! – Илюшин сопроводил свои слова чем-то вроде галантного полупоклона. – Меня зовут Макар Андреевич.

– Эльвира Леоновна.

Дама протянула тонкую желтоватую руку, которую Макар поцеловал, как от него и ожидалось.

– Эдинька, – проговорила дама, и Илюшин не сразу понял, что нежное обращение предназначено стоявшему позади него неприятному молчаливому субъекту. – Куда мы поселим Макара Андреевича?

– В зеленую комнату, – так же мягко отозвался парень, названный Эдинькой. – Оттуда как раз недавно уехали…

– Замечательно! А что касается расчетов…

– Мы уже все решили, – успокоил ее парень. – Мама, Макар Андреевич только с дороги…

– «Мама»?! – Илюшин сыграл изумление очень естественно. – Простите, совершенно не ожидал… Вы так выглядите…

Он взмахнул руками, словно пытаясь нарисовать образ Эльвиры Леоновны в воздухе, окончательно запутался, смутился и замолчал.

– Вы еще не знакомы с тремя моими другими детьми, – рассмеялась хозяйка. – Прошу, проходите в свою комнату, а потом приглашаю вас поужинать.

– Ванная комната в конце коридора, – любезно сообщил Эдуард, отдавая гостю два ключа. – Вот ключ от входной двери, вот – от вашей. Если хотите, мы станем будить вас по утрам. К которому часу вам нужно приезжать в «Залежный»?

– К десяти, иногда к одиннадцати, – рассеянно ответил Макар, поставив сумку на пол. – Я уточню график процедур.

Кстати, какой транспорт туда идет?

– Автобус. – Илюшину показалось, что в голосе парня прозвучало скрытое злорадство. – А что ж вы не на машине? Расстояния у нас тут не маленькие…

– Ничего, доберусь. Вы, Эдуард, разбудите меня завтра, пожалуйста, в девять. Погуляю, с городом познакомлюсь…

Тот молча кивнул. Ростом чуть пониже Макара, Эдуард держался очень прямо, высоко задрав подбородок, и делал все возможное, чтобы смотреть на Илюшина сверху вниз. Не собираясь ему в этом препятствовать, Макар подвинул к себе стул с плюшевым, слегка вытертым сиденьем, уселся и снова улыбнулся Эдуарду.

– Пожалуй, я не буду сегодня ужинать. Лучше пораньше лягу спать.

– Как вам будет угодно.

– Благодарю, Эдуард. Не смею вас больше задерживать. Вы и так уже проявили больше заботы, чем я смел надеяться.

Догадка о том, что гость издевается над ним, промелькнула в голове Эдуарда, но приехавший выглядел довольно-таки бесхитростно, и он отогнал от себя подозрения. «Дурачок. Очередной богатый московский студентик, решивший подлечить спину за папины денежки. Впрочем, не очень-то и богатый, раз приехал на поезде, а не на машине».

Он сделал неопределенный жест рукой и вышел из комнаты, пожелав гостю на прощание спокойной ночи.

Как только тяжелая дверь за ним закрылась, Макар вско-

чил со стула и обошел комнату, заглянул в шкаф, под кровать, внимательно изучил полки. Наконец он остановился посередине и задрал голову, рассматривая потолок с красивой двухъярусной люстрой, удивительно не вписывавшейся в строгую обстановку.

– Да, все именно так, как рассказывали… – пробормотал он.

Обклеенная бледно-зелеными обоями небольшая комната была обставлена весьма продуманно: письменный стол с множеством ящиков – древний, но тщательно отреставрированный; огромный деревянный шкаф с потрескавшимися дверцами, в котором Илюшин обнаружил несколько новых вешалок, а заодно порадовался его вместительности; инкрустированный дряхлый комод возле двери, над которым висело зеркало в широкой потемневшей раме… Только кровать выглядела относительно новой – широкая и с хорошим матрасом, впрочем застеленная пожелтевшим покрывалом, которое когда-то явно было белым. Телевизора нет, но на одной из полок шкафа обнаружились, к большому удовольствию Макара, книги: и Дюма с Мериме, и сборник Сименона, и Лесков в толстом переплете, и даже «Записки у изголовья».

– Неплохая подборка, – одобрительно заметил Илюшин и подошел к окну.

Комната его выходила на улицу – окна были по соседству с бутафорским балкончиком, – и в сгустившихся сумерках

Макар разглядел рытвину, в которой раньше лежала собака, но самой собаки не обнаружил.

Смеркалось очень быстро, и майский вечер наполнялся вечерними запахами: по-прежнему пронзительно и нежно благоухала сирень, тянуло зеленью вперемешку с сигаретным дымом, напоминал почти неуловимым душком о своей близости то ли пруд, то ли лужа, и от наружных стен дома доносился слабый, но узнаваемый запах старого дерева, неторопливо просыпающегося к концу весны после зимнего тяжелого сна.

«А голосов-то так и не слышно, – напомнил себе Илюшин. – Из чего делаем вывод: либо здесь замечательная звукоизоляция, что удивительно для старого деревянного дома, либо эти люди, находящиеся всего через одну комнату от меня, молчат. А зачем молчать такой дружной семье, в которой четверо детей и все живут со своей прекрасной обожаемой мамой?»

Он задернул плотные шторы, а вместо люстры включил небольшую лампу, стоявшую возле кровати. Комната сжалась вокруг небольшого круга света, окрашенного в изумрудный цвет абажура. «Зеленая комната», – вспомнил Илюшин. Он переоделся, достал пакет с полотенцем и зубной щеткой, но перед тем как идти в ванную комнату, спохватился, вытащил из кармашка сумки телефон и набрал номер.

– Серега? – сказал Макар, услышав в трубке знакомый го-

лос. – Я на месте.

Ксения приоткрыла дверь, и три тени послушно скользнули в дом. Девушка подождала немного, но четвертая не появлялась, и тогда она обернулась, позвала, вглядываясь в темноту сада:

– Лютик! Лютик, домой!

Кот неслышно появился у ног, и Ксения чуть не вздрогнула. Черный зверь поднял на нее желтые глаза, похожие на две маленькие луны.

– Пойдем, пойдем, – успокаивающе сказала Ксения. – На сегодня прогулки закончены.

Кот нервно обмахнул себя пушистым хвостом и быстро вбежал в дом. Нахмурившись, она посмотрела ему вслед – Люцифер вел себя не так, как обычно.

– Вольер закрыла? – крикнул отец из гостиной.

– Сейчас проверю.

Она спустилась в сад, прошла по дорожке до просторной клетки и убедилась, что закрыла задвижку. В темноте казалось, что внутри вольера кто-то движется от стены к стене, но Ксения знала, что это кусты качаются позади клетки от ветра.

Дом стоял на холме, и сверху Ксения видела россыпь огоньков: самые яркие – в центре, а на окраине Тихогорска они тускнели, прятались в зарослях садов, где город уже становился не городом, а городком. Она постояла, ежась под по-

рывами ветра – здесь, наверху, он всегда задувал свирепее, хотя холм был не высокий, так, небольшая возвышенность. Ветер прогонял глупые мысли, и Ксения постаралась представить как можно четче, что он развеивает темное облако ее усталости, накопившейся за время работы в больнице, уносит противный привкус обреченности и бессмысленности, представлявшийся ей похожим на вкус вареной луковицы.

Из дома ее окликнул отец, и она вздрогнула.

«Я становлюсь слишком нервной. Дергаюсь непонятно от чего весь вечер».

Среди облаков, стремительно мчавшихся по ночному небу, проглянула луна, которая сегодня была совсем не похожа на кошачий глаз, скорее – на желтый бутон цветка кубышки, который они в детстве ошибочно звали кувшинкой: с темными прожилками, бегущими от основания бутона к верхушкам крепко сложенных толстых лепестков. Ксении показалось, что за кустами на склоне скользнула какая-то тень, но она убедила себя, что это лишь игра ее воображения.

Все же, возвращаясь домой, она дважды обернулась, чтобы удостовериться, что все спокойно и тихо. Чувство тревоги так и не отпустило ее, и на крыльце она негромко позвала, непонятно почему испугавшись звука собственного голоса:

– Эй, есть здесь кто-нибудь?

В доме негромко мяукнул кот, а следом отец удивленно спросил:

– Что там, Ксеня?

– Ничего, – поколебавшись, ответила она. – Показалось, наверное.

Ксения плотно закрыла за собой дверь. Спустя минуту из кустов на склоне холма поднялся человек и застыл, внимательно изучая дом, в котором скрылась девушка.

Макар допоздна читал книгу, пока наконец не почувствовал, что засыпает. Он выключил ночник, уронил голову на подушку и почти сразу услышал звук, донесшийся непонятно откуда. Сев на кровати, Илюшин прислушался, но вокруг было тихо.

Он все-таки встал, подошел к окну, осторожно отодвинул штору, быстро оглядел улицу. Никого. Сытая луна висела низко над темными домами, и по отсутствию отблесков Макар видел, что и в гостинице Эльвиры Леоновны никто не полуночничает. Он бросил взгляд на часы – стрелки показывали начало второго.

Звук раздался снова – на этот раз внутри, определенно на его этаже: тоненький, высокий, повторяющийся со странной монотонностью. Макар торопливо натянул джинсы и подошел к двери. Пару секунд он колебался, прислушиваясь, затем бесшумно отодвинул щеколду и потянул дверь на себя. В приоткрывшуюся щель упала полоса тусклого света: в коридоре горела бледно-желтая лампочка, больше напоминавшая свечу.

Ступая босыми ногами по дощатому полу, Илюшин вы-

шел в коридор и остановился. Дальнее окно в конце коридора, выходившее в сад, было завешено в точности такой же зеленой шторой, как и в его комнате. И штора эта шевелилась.

Волна начиналась сверху, пробегала до середины и вдруг исчезала, словно кто-то сердито встряхивал зеленую материю, а затем прижимал ее рукой. Несколько секунд спокойствия – и ожившая штора начинала подергиваться снизу, выплясывая зелеными кистями на полу неразборчивый слабый танец.

Приблизившись, Макар резко отдернул портьеру и тут же отошел на шаг, опасаясь увидеть рассерженную кошку. Но никакой кошки за шторой не оказалось, а оказалось, как и следовало ожидать, окно, одна створка которого приоткрылась. Макар закрыл окно и, помедлив, пошел обратно, но на полпути его остановил все тот же звук. Теперь он совершенно определенно доносился из самой первой комнаты. Тоненький и жалобный, звук тянулся на высокой ноте, заканчиваясь чем-то вроде вздоха.

«Похоже на всхлип…»

Снова наступило молчание. Сосредотачиваясь, Макар на несколько секунд прикрыл глаза, и им овладело странное чувство – будто он один в этом доме. Он представил, как поздней ночью хозяева безмолвно уходят, гасят лампы, забывая выключить свет в коридоре, и постояльцы остаются один на один с затаившимся домом и теми его обитателями, которые никогда не появляются днем.

«Заря Ростиславовна заразила меня своими фантазиями», – усмехнувшись, подумал Илюшин и направился к комнате за темно-коричневой дверью с длинными кривыми царапинами внизу – казалось, здесь точила когти огромная кошка. Он прошел мимо лестницы, стараясь ступать тихо и мысленно благодаря хозяйку за постеленный по длине всего коридора ковролин…

И вдруг за его спиной выразительно скрипнула ступенька.

Илюшин тотчас обернулся, готовясь увидеть перед собой бледное тонкое лицо с прищуренными голубыми глазами, но на лестнице никого не было. Раздался скрип еще одной ступеньки, за ней – третьей… Макар вернулся назад и недоверчиво уставился на пустую лестницу, едва освещенную единственным светильником.

Илюшин спустился до середины лестницы, перегнулся через перила, и тут же негромко скрипнула верхняя ступенька; он поднял голову, и скрип раздался на нижней. На лестнице не было ни одной живой души.

Макар уже ничему не удивлялся.

Говоря себе о том, что каких только фокусов не выделывает старое дерево, он вернулся к загадочной двери, взялся за ручку и осторожно потянул ее на себя, ожидая, что дверь окажется закрытой. Но та подалась так же легко, как и дверь в его собственную комнату, и Макар шагнул внутрь, напрягшись, не зная, чего ожидать и что сказать тому, кто плакал внутри.

Все-таки ему пришлось удивиться еще раз.

Он стоял в пустой комнате, в которой возле стены лежал опрокинутый набок стул, а на стуле – небрежно брошенная выцветшая тряпка, бывшая когда-то шелковым женским платьем.

Глава 2

Эля накрывала на стол, с нетерпением ожидая появления гостя. Постоялец явился накануне, ни с кем не успел познакомиться, лишь помылся и, как пренебрежительно сказал Эдуард, «завалился спать». Она даже хотела пройти поздно вечером мимо его комнаты – просто так, посмотреть, как из щели выползает узенькая полоска света, – но вовремя вспомнила, что с той поры, как мать поменяла двери в доме, все полоски света остались плотно заперты в своих комнатах.

Она провела рукой по белой скатерти, вдыхая приятный запах свежевыглаженной ткани, и наклонилась, чтобы украдкой принюхаться. Ей нравились запахи, но не парфюмерии и даже не цветов – нет, Эля любила запахи домашние и чуточку смешные, вроде щекочущего нос запаха крышки от старого чайника со свистком, который она отстояла, не дала выкинуть, или уютного запаха глиняного горшка, в котором когда-то росла герань, но засохла, а горшок с землей так и остался стоять на подоконнике в ее комнате. Мать сердилась, требовала выкинуть «гадость», а для Эли это была вовсе не гадость.

Ей показалось, что она слышит шаги в коридоре, и Эля немедленно выпрямилась, чтобы никто не заподозрил ее в таком глупом занятии, как обнюхивание скатерти. Леня с Ларисой безжалостно высмеяли бы ее, с них станется и по-

упражняться в остроумии при госте, а Эля отдавала себе отчет в том, что состязаться с ними она не может. Не умеет. Иногда ей удавалось взглянуть на себя и на брата с сестрой отстраненно, и в таких случаях она всегда восхищалась тем, как быстро они соображают, как легко перебрасываются колкими репликами, которые, казалось, им не нужно было даже придумывать – те возникали будто из воздуха. А у нее, Эли, слова никогда не возникали из воздуха – нет, они давались с трудом, иной раз приходилось вымучивать их, и все равно получалось не то, что хотелось сказать. Так что она в очередной раз убеждалась в справедливости слов матери, после каждой неудачной фразы дочери сочувственно прибавлявшей: «Опять кто-то напрасно не промолчал».

Дверь в столовую распахнулась, Эдуард просунул внутрь прилизанную голову и оглядел комнату хитрыми глазами.

– *Этот* не приходил? – спросил он, не считая нужным поздороваться.

– Нет, не приходил. – Эля подчеркнуто медленно переставила чашки, повернулась к плите, на одной конфорке которой жарилась яичница, на другой – ветчина, а на третьей – омлет. – Будешь завтракать?

– А как ты думаешь? Или ты надеялась все утро провести здесь одна?

Эля испуганно взглянула на него, пораженная тем, что брат так легко разгадал ее мысли, и Эдик довольно рассмеялся.

– Дурочка ты у нас, – почти ласково сказал он, проходя в столовую и усаживаясь в кресло возле окна, – все у тебя на лице написано.

Эля сделала два шага к подвесному шкафчику, в котором хранились специи, и замерла, рассматривая свое лицо в помутневшем стекле. Заурядное, круглое, ничем не примечательное лицо. Нос мелкой картофелиной, надо лбом завивается глупая челка. Щеки крепкие, да… Хорошие такие щеки, как у плюшевых котов британской породы. На то, что ниже лица, Эля смотреть не стала, чтобы не расстраиваться с самого утра. Тем более что день начинался так интригующе…

Раздались голоса, и в комнату вошли мать и Леня с Ларой.

– С добрым утром! – пропела Эльвира Леоновна, подойдя к Эдику с Элей и целуя их. – Как спалось, мои дорогие? И где наш уважаемый Макар Андреевич, которому, между прочим, с утра нужно ехать в санаторий? Ларочка, разбуди гостя.

Лариса взглянула на брата. Тот равнодушно вертел вилку, ловя солнечный луч и пуская блики по стене. Девушка вздохнула и направилась к двери, но тут на лестнице раздались быстрые шаги.

– Можешь не торопиться, – посоветовал Эдик. – Полчаса назад я постучал ему в дверь, и вот он уже летит на запах ветчины. Между прочим, Эля, у тебя бекон подгорает.

Эля дернулась по направлению к плите, а потому пропу-

стила момент, когда гость вошел в комнату. Он как-то быстро оказался в столовой: только что звучали шаги на ступеньках – и вот уже Макар Андреевич стоит возле стола, знакомится с теми, с кем не успел познакомиться вчера, и извиняется за свое отсутствие на ужине. Минута – и уже сидит за столом, перебрасывается шутками с заинтересовавшейся Ларисой, расспрашивает Леню о его работе и отвешивает комплименты Эльвире Леоновне.

Эля рассматривала Макара Андреевича исподтишка, больше беспокоясь не о том, что может показаться ему невоспитанной, а о том, чтобы мама не заметила ее интереса, иначе не миновать нравоучений. Эле перед самой собой было неудобно, но со своим любопытством она ничего не могла поделать: не так много в ее жизни появлялось объектов для исследования.

Гость был чуть выше среднего роста, светловолос, худощав и симпатичен. Лицо умное, из тех, что называют располагающими. Серые прищуренные глаза поглядывали на сидящих вокруг стола чуть насмешливо, но Эля внутренним чутьем поняла: это не оттого, что именно они ему смешны, а оттого, что он всегда надо всеми посмеивается, в том числе и над собой. Она уже видела похожего человека, говорившего так, что не понять было: шутит он или всерьез. Новый постоялец был из той же породы.

Она попыталась определить его возраст и не смогла. Эдик накануне сказал – студент, и первое впечатление ее было

именно таково, но, приглядевшись, Эля решила, что Макар Андреевич старше, чем кажется. «Клетчатая рубашка сбивает с толку. Он в ней какой-то несолидный», – подумала она.

За утренней беседой семья Шестаковых узнала, что Макар приехал на две недели подлечить больную спину в местный санаторий, славящийся своими врачами и процедурами, но, увидев номера в «Залежном», испугался и поспешно бежал. Илюшин в комическом ключе описал прелести номера, представшего его глазам, и все с удовольствием посмеялись: прибывшие в Тихогорск одинаковыми словами рассказывали об ужасах проживания в санатории.

– К сожалению, – признала Эльвира Леоновна, помешивая ложечкой кофе, – за последние несколько лет ничего, совершенно ничего не изменилось. Невозможно понять, отчего лечебный комплекс с такими возможностями не превратят в большой центр, куда люди могли бы селиться без опаски, что ночью их покусают клопы. Поймите меня правильно, Макар Андреевич, мне, как и прочим держателям частных гостиниц, от нынешней ситуации с санаторием одна лишь выгода: люди едут лечиться, жить в санатории им не хочется, и волей-неволей они вынуждены искать приют в городе. Но ведь дело не только и не столько в деньгах. Хотелось бы, простите за громкие слова, гордиться тем, что есть в Тихогорске…

Макар заверил Эльвиру Леоновну, что он прекрасно ее понимает, и разговор закрутился вокруг приезжих, состоя-

ния местного санатория и российской медицины вообще.

Непринужденно болтая, Илюшин впитывал в себя утренние впечатления от дома и людей. Комната, которую хозяева называли столовой, находилась на первом этаже – к ней сделали пристройку, в которой разместилась кухня. Здесь, как и везде, соблюдался стиль мещанского уюта: большая лампа под абажуром над круглым столом, добротные стулья – такие же стояли в комнате Макара, – шкафчики с посудой за толстым стеклом, а в дальнем углу – шкаф-«горка», в котором на фанерных полках красуются праздничные фарфоровые сервизы. Все вокруг не новодел, притворяющийся антиквариатом, а самые что ни на есть настоящие вещи, выдержавшие проверку временем. Только плита и мойка были новые, поблескивающие хромированной сталью.

Рассматривая хозяйку, Макар снова поразился тому, как прекрасно она выглядит. Он знал, что ей чуть больше пятидесяти, да и наличие четверых взрослых детей говорило само за себя, но госпожа Шестакова больше напоминала актрису, чем хозяйку маленькой провинциальной гостиницы. Снова длинное вязаное платье, на этот раз цвета топленого молока, и то же самое украшение на шее. Очень доброжелательна, очень спокойна и приветлива, и трудно поверить, что…

«Стоп, – сказал себе Макар, – об этом пока рано думать».

Эльвира Леоновна протянула руку за чайником, и даже этот простой жест вышел у нее изящным, как будто она спе-

циально училась чайной церемонии.

И дети у Шестаковой оказались необычными. Илюшин разглядывал их, составляя свое мнение.

Высокие, белокурые, очень похожие на мать брат с сестрой – это Лариса с Леонидом, которых остальные члены семьи называют Ларой и Леней. Сразу привлекают внимание к себе – и потому, что красивы, а главное – потому что близнецы. Сходство явное, очень бросающееся в глаза, несмотря на то что обоим уже по двадцать пять лет. «Они и в шестьдесят будут похожи», – подумал Макар, ловя на себе внимательный взгляд сидевшей напротив Ларисы.

На ней было светлое трикотажное платье – короткое, вызывающее. Бретелька то и дело падала с одного плеча, и Лариса недовольно поправляла ее, проводя быстрым ласкающим движением по белой коже. Типаж красотки, но не красавицы, подумал Илюшин, решив, что она должна пользоваться большим успехом у мужчин. Глаза серо-голубые, широко расставленные, и ни намека на мешки или синеву под ними, нос такой же маленький и аккуратный, как у матери, а вот губы тонковаты и бледны. Справа возле нижней губы – крупная родинка: выпуклая, как жучок, некрасивая и наверняка доставляющая девушке массу хлопот.

Леонид сидел молча, иногда вставляя короткие фразы не к месту, сонно тер глаза и украдкой зевал. Сильный и гладкий, как тюлень, с чисто выбритой кожей, почти такой же нежной, как у сестры, он искоса посматривал на Илю-

шина, но особого интереса к нему не проявлял. Крупный нос ничуть не портил его лицо, а глаза так и вовсе были хороши, и выразителен был рот: уголки четко очерченных губ загибались книзу, и это придавало лицу Лени выражение чуть усталое, как у много повидавшего в жизни человека. Очень светлые длинные волосы он собирал в хвост, и Лариса шутя подергивала его за этот хвост, а брат в шутку рычал на нее и отмахивался рукой, как тигр лапой.

Эдуард, он же Эдинька и Эдик, встретивший Макара накануне, сегодня держался дружелюбно, как и мать: шутил, выспрашивал впечатления Макара о пансионате, рассказал пару забавных историй о своих знакомых и вообще производил впечатление человека если не обаятельного, то приятного и непосредственного. Несмотря на то что был он самым младшим, держался Эдуард как старший и пару раз сделал замечание Ларисе. Та, к удивлению Макара, и не подумала огрызнуться.

В ответ на вопрос Илюшина о профессии Эдуарда Эльвира Леоновна с гордостью поведала, что в своем относительно юном возрасте Эдик уже стал помощником депутата.

– В двадцать два года Эдик устроился к Анатолию Ивановичу, – сказала она, разрезая на кусочки омлет. – Да, Эдинька? Сколько ты уже работаешь у Рыжова? Год, правильно?

– Чуть больше, – ответил Эдуард, сосредоточенно жуя бекон. – Кстати, Макар Андреевич, вам должно быть интересно: мы в нашем городе боремся с проблемами…

Макар надел на лицо вежливую улыбку сосредоточенного слушателя – и отключил слух. Он научился этому несколько лет назад, и его способность не раз пригождалась Илюшину: достаточно было начать в уме декламировать первые строки выбранного стихотворения, входя в определенное состояние «глухоты», и спустя пару минут можно было смотреть на собеседника, не слыша его. Илюшин раз и навсегда остановился на «Мцыри», и как только младший сын Эльвиры Леоновны стал рассказывать о важном социальном проекте, Макар неспешно начал про себя: «Немного лет тому назад, там, где, сливаясь, шумят, обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры, был монастырь»… Этот прием он давно отработал, и уже на слове «монастырь» голос Эдуарда стал доноситься словно бы издалека. Можно было беспрепятственно наблюдать за всеми членами семьи.

«Итак, Лариса, Леонид и Эдуард… Все трое самоуверенны, хватки, напористы. Однако куда интереснее, чем они, хозяйка дома и ее старшая дочь».

Толстушка с грустными глазами, украдкой изучавшая его – Элла, для домашних – Эля, самая старшая и самая тихая из детей Эльвиры Леоновны, – суетилась, накладывала ему омлет и бекон, порывалась положить в тарелку еще и яичницу, но Макар пресек эту инициативу. Наконец она села и стала рассматривать его, но как только Илюшин поднял на нее глаза, смутилась, покраснела и быстро нашла себе занятие: принялась собирать со стола грязные тарелки.

На поясе ее юбки болтался тканый мешочек, в котором позвякивали ключи, – вероятно, решил Макар, улыбнувшись про себя такому способу их хранения, именно Эля является ответственной за все двери в этом доме.

Была она тихая, уютная, с короткими полными ручками – закатанные рукава рубашки открывали взгляду розовую незагорелую кожу в россыпи веснушек. И лицо у нее было нежно-розовое, в отличие от «фарфоровых» лиц родных, а глаза непонятного цвета: то ли карие, то ли зеленые. Пухлые щеки, милая улыбка, быстро появляющаяся и тут же исчезающая, такой же быстрый, как улыбка, немного испуганный и грустный взгляд. Она хлопотала вокруг своих родных и Макара, и все воспринимали это как должное. Пару раз Илюшин поймал недовольный взгляд Эльвиры Леоновны – дочь явно сделала что-то неправильно, но он так и не смог понять, что именно.

Девушка казалась удивительно чужеродным элементом в этой семье светловолосых, стройных, красивых людей: даже Эдуард, несмотря на тщедушное телосложение и прищуренные глаза, производил впечатление смазливого парня. Она явно стеснялась себя, своего большого полного тела, прикрытого мужской рубашкой на два размера больше, чем нужно, пышной низкой груди, и руки, садясь, прятала на колени.

Позавтракав и поблагодарив хозяев, Илюшин заторопился в свою комнату. Однако, поднявшись по лестнице, вспом-

нил, что не узнал о транспорте, которым ему предстояло добираться до санатория, и вернулся в столовую, чтобы расспросить Элю. Приоткрыв дверь, Макар увидел двух женщин, стоявших к нему спиной: Эльвира Леоновна облокотилась на плиту, Эля мыла посуду.

– …так сложно сделать маникюр? – закончила старшая Шестакова начатую фразу. – Посмотри на себя!

Девушка возле раковины сжалась. Макар стоял и смотрел на ее спину – широкую спину в бесформенной уродливой рубашке.

– Я прощаю тебе твою феноменальную лень, из-за которой ты стала похожа на беременную козу, – после долгой паузы сказала Эльвира Леоновна, и голос ее удивительно контрастировал со смыслом произносимых слов. – Я с пониманием отношусь к тому, что ты оказалась непригодна к профессиональной умственной деятельности и зарабатываешь на жизнь, откровенно говоря, ерундой. Бог с ним! – в конце концов, ты действительно помогаешь мне по дому, и твоя помощь неоценима. Я это признаю, и мы все тебе благодарны. Но, Эля, неужели ты не можешь приложить хотя бы минимум усилий, чтобы выглядеть женственно! Боже мой, хотя бы аккуратно! Пользуйся моими кремами, запишись на маникюр, раз уж к двадцати семи годам ты так и не научилась ухаживать за руками самостоятельно, – но только делай что-нибудь! И не смотри на меня, как будто ты Золушка, которую отчитывает злобная мачеха. Все, что ты сейчас име-

ешь, Эля, – это твой собственный выбор.

Эльвира Леоновна выпрямилась, и Макар успел прикрыть дверь прежде, чем она обернулась. Не колеблясь, он нырнул за штору, а пару секунд спустя женщина вышла в коридор. Макар услышал вздох, затем – шаги, приглушенные ковром, скрип ступенек на лестнице, и только тогда решился выглянуть.

Никого.

Подумав, Илюшин вернулся к столовой, постоял возле неплотно прикрытой двери, прислушиваясь к звукам в комнате. Затем потянул ручку на себя и увидел в приоткрывшуюся щель, что Эля по-прежнему стоит к нему спиной, моя посуду в раковине.

– Элла, простите…

Она вздрогнула и резко обернулась, чуть не уронив тарелку и подхватив ее в последнюю секунду. Лицо у нее покраснело, на щеках расцвели два ярких пятна и посреди лба тоже было пятно, будто она ударилась.

– Я хотел спросить вас, как мне лучше добраться до санатория, – спокойно сказал Илюшин, делая вид, что не замечает ни красных пятен, ни слез в глазах. – Мое лечение должно начаться с завтрашнего дня, но я хочу разведать дорогу.

– Вам нужно на остановку восемнадцатого автобуса, – с готовностью отозвалась девушка. – Это сразу за поворотом, на Печенежской. А еще там ходит маршрутка, на ней добираться быстрее и удобнее, хотя и немножко дороже. Ехать

около двадцати минут, и водитель всегда объявляет, что доехали до санатория. Да вы и не проедете мимо – он же большой…

Она покрутила тарелку в руках.

– Надеюсь, вам понравился завтрак, – неожиданно добавила Эля и попыталась улыбнуться.

– Очень понравился.

Илюшин кивнул, прощаясь, и направился к двери.

– Между прочим, – заметил он, останавливаясь на полпути, словно вспомнив что-то, – я вчера слышал странные звуки из комнаты на втором этаже. Как будто кто-то плакал…

Бац! Тарелка упала на пол, но не разбилась, а лишь треснула пополам. Некоторое время Эля и Макар стояли молча, не сводя глаз с волнистой трещины, пробежавшей по цветочному рисунку. Словно под воздействием их взглядов трещина вдруг сделалась широкой, в следующий миг от тарелки со звонким хрустом отвалился один кусок, а затем и второй. Эля присела на корточки, посмотрела на Илюшина снизу вверх, и лицо у нее стало странное: как будто она прислушалась к чему-то, чего не слышал Макар, и испугалась.

– Вам показалось, – торопливо проговорила она, – там ничего нет. Наверное, кошка мяукала. Знаете, у нашего соседа, Валентина Ованесовича, живут две кошки и один кот, и они иногда заходят к нам. Забираются через крышу, бродят по дому и мяукают. И на втором этаже гуляют, и даже на чердак заходят…Мы их прогоняем, потому что у Эдика

аллергия на шерсть.

Она поднялась, сжимая в руках осколки разбившейся тарелки. Светлые волосы выбились из прически, неопрятно рассыпались по плечам.

– Не обрежьтесь, – сказал Илюшин и вышел из столовой.

Ксения шла по улице, вдыхая сумасшедший запах молодых тополиных листьев, сирени и земли, нагретой ранним солнцем. На асфальте после ночного дождя сверкали лужи, и она обходила их, сдерживая в себе желание наступить каблучком со всего размаха в середину воды – так, чтобы брызги взлетели вверх, замерли на долю секунды, а затем рассыпались по асфальту.

Апрель в этом году выдался ранний, а вот май задерживался. Сирень зацвела всего пару дней назад, да и не совсем зацвела – скорее приготовилась: набухли и потяжелели кисти, окутались сиренево-зеленоватым. Тихогорск утопал в сирени, кусты ее росли везде: и перед зданием администрации, и возле большого супермаркета, построенного несколько лет назад – цивилизация добиралась до Тихогорска небыстро, – и рядом с гимназией… Что уж говорить о частных домиках и пятиэтажках, которыми был застроен небольшой и, откровенно говоря, скучноватый городок. Сирень от чернильно-фиолетовой до светло-голубой, нежнейших оттенков, непередаваемого аромата, который хотелось пить, как родниковую воду, – вся готовилась расцвести, жда-

ла тайного майского знака.

Ксения легко перемахнула через широкую коварную лужу, притворявшуюся мелкой и невинной, провела, не удержавшись, рукой по влажным листьям куста, развесившего ветки над тротуаром, и побежала дальше, на ходу стряхивая с пальцев крупные капли.

Улица, по которой она шла, не закончилась, как подобает приличным маленьким улочкам, а оборвалась: исчезла сирень и вообще вся зелень, а дома сменились угрюмым массивом гаражей. Над ними протянулся длинный пешеходный мост, который и должен был привести Ксеню к остановке: отсюда отходил рейсовый автобус – на нем она собиралась ехать к подруге.

Она взбежала по громыхающим черным железным ступенькам, вспухшим по краям буквами и непонятными знаками, и зацокала каблуками по мосту, поглядывая вниз. Разноцветные лоскуты крыш гаражей летом заполнялись буйной зеленью в швах между ними, но сейчас швы были серыми и грязными. Ксеня не любила этот район. И мост, в народе называемый «перекладиной», тоже не любила. Он соединял два района – центральный и тихий окраинный, разделенные гаражным массивом, появившимся здесь в незапамятные времена. Отец рассказывал, что раньше на этом месте был пруд и даже принято было на выходные устраивать катания на лодках, а на берегу стояли беседки и летние кафе, в которых продавали хрустящие стаканчики с пломбиром.

Может, оно и в самом деле так, но поверить в то, что под мостом когда-то была вода, Ксеня решительно не могла. Гаражи росли из серой безжизненной каменистой земли и, казалось, готовились встретить старость, а затем уйти в ту же землю, чтобы дать силы новым росткам гаражей.

Все здесь было злобное, насупленное, и собаки ходили злые, свирепые, подкармливаемые такими же свирепыми местными сторожами.

На середине моста Ксеня остановилась и посмотрела вниз, стараясь не подходить к мокрым перилам вплотную: во-первых, опасалась испачкаться, а во-вторых, по непонятной прихоти конструкторов их сделали низкими, так что перила едва доставали девушке до пояса. На дороге между гаражами пытались разъехаться две машины, вокруг которых бесновались четыре рыжих пса.

Позади нее загрохотали шаги – кто-то вслед за Ксенией срезал путь по мосту. Большинство жителей по непонятной причине все-таки избегали этого места, предпочитая куда более длинный, но и более приятный обходной маршрут по дугообразной аллее Гагарина, обсаженной кленами и липами.

Ксеня ускорила шаг. «Перекладина» выводила не к самой остановке, а к пятачку метрах в сорока от нее, и эти сорок метров ей предстояло пройти по узкому тротуару, на котором всегда толпились люди. Они сновали туда-сюда, огибая основание лестницы, и пустой мост смотрелся странно и зло-

веще – черный, безлюдный, длинный, как хребет доисторического чудовища.

Негромкие шаги позади раздались ближе – человек почти догнал ее. «Торопится на маршрутку, наверное», – подумала Ксения, на секунду останавливаясь перед ступеньками вниз, прежде чем поставить ногу на первую из них: сегодня она надела новые ботинки на каблуках, а сидящий в ней с детства страх упасть и разбиться на крутой лестнице заставлял ее примеряться к любому спуску.

Внизу потоком шли машины – оживленная трасса соединяла центр Тихогорска с фабричными районами, люди торопились на работу. Внезапно резко просигналил автобус – так громко, что девушка вздрогнула, и нога, почти поставленная на ступеньку, предательски скользнула по ее краю. Ксения изо всех сил схватилась за невысокий поручень и, конечно, удержалась, но руки сразу задрожали, и ей пришлось так и спускаться вниз, крепко держась за холодные мокрые перила, не просохшие после ночного дождя, провожая взглядом серую спину обогнавшего ее единственного «попутчика».

Оказавшись на асфальте, она вытерла руки платком, перевела дух и заспешила к остановке. Людской поток прижимал ее к дороге, и в конце концов Ксения вскочила на бордюр, пошла по нему, балансируя, – здесь она чувствовала себя уверенно. Черная «Волга» с ревом пронеслась по крайней полосе, и Ксению окатило брызгами из-под колес. Она успела лишь подумать о том, что, не дай бог, попадется води-

тель, который не справится с управлением на мокрой дороге, и вдруг спиной почувствовала что-то нехорошее.

Ксения ничего не успела сделать.

Человек, поравнявшийся с ней, поправил на голове капюшон и в следующую секунду рассчитанным безжалостным движением столкнул ее с бордюра на проезжую часть, под колеса автомашин. Раздался крик, глухой удар, а после странной, на миг воцарившейся вокруг тишины – словно все люди разом замолчали – новый крик, хриплый и быстро оборвавшийся. Кто-то пораженно выругался, кто-то ахнул, но человек в капюшоне этого уже не услышал: не оборачиваясь, не прибавляя шагу, он переместился вслед за каким-то толстяком в глубь толпы, а затем растворился на одной из узких улочек Тихогорска.

После завтрака Илюшин неторопливо собрался и вышел из дома, накинув куртку – майское утро было солнечным, но прохладным. Пройдя по улице, он свернул в проулок, следуя указаниям Эли, и пять минут спустя оказался на небольшой площади, откуда регулярно уходили автобусы: и в центр, и на швейную фабрику, снабжавшую город рабочими местами.

Людей на площади оказалось неожиданно много. Помня тихий вечер накануне, Макар ожидал, что увидит типичную картину провинциального городка: одинокие редкие пешеходы, чаще всего – пенсионерки с собачонками либо же

молодые мамаши, гуляющие с колясками по своему району или сидящие во дворах. Однако город жил, оживленно переговаривался сам с собою, куда-то бежал, волок увесистые сумки и битком набитые пухлые портфели… Возле остановки Илюшин оказался в водовороте: то и дело подъезжали автобусы, волна пассажиров закручивала Макара, а затем выплескивала в сторону, оставляя отдышаться. Машины неслись, громко сигналя, автобусы гудели, водители внутри объявляли в микрофон следующую остановку и требовали освободить двери. Утренний весенний воздух был пропитан выхлопами машин и тем вечным непонятным запахом, что образуется в местах большого скопления людей.

«Ничего себе, – подумал Илюшин, пытаясь разглядеть номер подъехавшего автобуса. – Кто-то, кажется, говорил, что это окраина. Интересно, что же тогда творится в центре?»

Над дорогой нависал мост, уходивший куда-то за гаражи, теснившиеся на другой стороне улицы. Назначение моста, тяжело поднимавшегося на широких черных опорах, заинтересовало Илюшина, поскольку, несмотря на столпотворение возле остановки и вдоль дороги, на нем почти не было пешеходов. Только женская фигурка в чем-то черном виднелась вдалеке.

Макар перевел взгляд на подъезжающие автобусы и стал ждать, когда появится нужный. Он стоял в стороне, засунув руки в карманы куртки, и во всех деталях восстанавливал

в памяти утреннюю болтовню за столом и последующий разговор с Элей. Необъяснимый плач, который он слышал накануне, занимал его не меньше, но объяснения этому явлению Макар пока не находил.

Автобус, отправлявшийся к санаторию, все не шел, и Макар снова взглянул на мост. Увиденное заинтересовало его. Женщина дошла до конца моста и остановилась перед ступеньками, словно готовясь шагнуть в воду и обдумывая, насколько там глубоко. Только сейчас Илюшин заметил позади нее второго человека – высокого парня в серой куртке с капюшоном, нахлобученным на голову. Парень ускорил шаг и вдруг сделал резкое движение в сторону девушки, будто собираясь столкнуть ее с моста. Макар невольно шагнул вперед, но девушка, не оборачиваясь, за пару секунд до удара покачнулась и схватилась за перила. В тот же миг парень отшатнулся, скользнул мимо нее и сбежал по ступенькам, не оборачиваясь.

– Эт-то что еще такое? – недоверчиво протянул Илюшин, и какая-то бабка с пакетом, подозрительно покосившись на него, отошла в сторону.

Не обратив на нее внимания, Макар прищурился, напряженно пытаясь рассмотреть женщину, уже спустившуюся с моста, однако потерял ее в толпе. Тогда он поискал глазами парня в капюшоне, но и тот исчез. К остановке подошел автобус, на лобовом стекле которого картонная табличка извещала о том, что конечный пункт назначения – санато-

рий «Залежный», и люди начали торопливо протискиваться в двери.

Вместо того чтобы сесть в автобус, Илюшин быстро пошел навстречу людскому потоку, ввинчиваясь в него и высматривая женщину с моста.

Он бы не увидел ее, если бы она неожиданно не забралась на бордюр и не пошла навстречу Илюшину, смешно расставив руки в стороны и явно опасаясь, как бы кого не задеть. Она шла легко и красиво, как акробат по натянутому канату, и полы короткого легкого плаща развевались, когда очередная машина проносилась мимо. Макару оставалось до женщины не больше десяти шагов, и тут за ее спиной возник парень в сером капюшоне.

Илюшина отличала способность к молниеносному принятию решений. Не раздумывая ни доли секунды, он рванул вперед – но не к женщине и не к парню, которого так и не смог толком разглядеть за спинами прохожих, – а на дорогу. Две машины, увидев человека на проезжей части, вильнули в сторону, водитель третьей – белой «пятерки», ехавшей по крайней полосе, – затормозил, но машину занесло на мокром асфальте, и Макар увидел, как она медленно – словно плывя в воде – движется вправо и ударяется о бордюр, совсем чуть-чуть не доехав до фигурки в черном плаще, лежавшей на дороге.

На тротуаре споткнулась, упала и вскрикнула женщина, люди шарахнулись в сторону от места аварии, и громко заре-

вел испуганный шумом ребенок. Сзади засигналили. Водитель «Жигулей», сидевший с ошеломленным лицом, отстегнул ремень безопасности, на подкашивающихся ногах вылез из машины и, увидев поднимающуюся с асфальта девушку, громко и грязно выругался.

Макар подошел к ней, подхватил под локоть и помог подняться, выискивая глазами парня в толпе. По логике вещей, тот должен был проследить, чем все закончится, но среди любопытных и испуганных людей Илюшин не увидел человека в капюшоне. Он исчез.

Люди громко заговорили, и на Макара, который во время своей короткой пробежки не слышал ничего, кроме резких сигналов машин, обрушились голоса и звуки: кто-то возмущался, кто-то спрашивал, что произошло… Подъехавшие к остановке автобусы пытались обогнуть место аварии, и из-за этого на дороге образовался затор.

Водитель обошел машину и снова выругался.

– Меня… меня толкнули, – сглотнув, вдруг проговорила девушка, вцепившись Илюшину в рукав, но обращаясь к водителю – низенькому лысому мужчине с несчастным потным лицом. – Господи, вы же меня чуть не сбили!

– Я бы тебя, дуру эдакую, точно сбил, если бы это чучело на дорогу не выскочило! – заорал тот в ответ, тыча пальцем в Макара. – Совсем спятила – под машину бросаться?! Хочешь с собой покончить – заберись на любую высотку и оттуда сигай!

Трясущимися руками он порылся в кармане, выудил пачку «Мальборо» и, достав сигарету, жадно закурил.

– Меня толкнули, – повторила девушка и попыталась снова сесть на асфальт, но Илюшин ее удержал. – Кто-то шел и случайно меня задел…

Она закашлялась от дыма.

– Не случайно, – сказал Макар, все еще пытаясь отдышаться и про себя добрым словом поминая Бабкина, силком вытаскивавшего его в спортзал. – Первый раз вас хотели столкнуть с моста, второй раз – сейчас, под машину. Подумайте, кто вас так сильно не любит. И больше не ходите по бордюрам.

Он мельком оглядел зевак и быстро пошел прочь, размышляя на ходу, удастся ли ему избежать расспросов местной милиции. Люди расступились, когда он подошел к тротуару, Макар скользнул в образовавшийся коридор и, чувствуя на себе любопытные взгляды, направился к одной из узких улочек, веером расходившихся от площади с мостом.

Он шагал очень быстро, не переходя на бег, но и не желая, чтобы его догнал кто-нибудь из любопытствующих. «Серега был бы в восторге, – думал Илюшин, поднимаясь по улочке вверх к желтым двухэтажным домикам старой застройки, с деревянными сараями во дворах. – Не успев приехать, ввязался непонятно во что. С другой стороны, еще не совсем ввязался, и хочется надеяться, что не ввяжусь».

Быстрый перестук каблуков за спиной заставил Макара оглянуться. Его догоняла та самая девица, которую толкнули с бордюра, – запыхавшаяся, взъерошенная как воробей.

– Постойте! – позвала она, будто испугавшись, что он убежит. – Стойте, мне нужно с вами поговорить!

Илюшин нехотя остановился. «Разумеется, ей нужны свидетельские показания. Похоже, я все-таки влип. Черт, нужно было сразу заскакивать в автобус и ехать в санаторий, а не уходить с остановки».

– Я хотела сказать вам спасибо. Я не сразу поняла, что вы сделали, а потом мне объяснили, что вы специально выскочили на дорогу. Спасибо вам большое!

По девушке было видно, что она очень волнуется, но старается говорить спокойно.

– Я на мосту что-то неладное почувствовала… Надо было подождать, но я торопилась к подруге…

Она махнула рукой и опустилась на корточки, прислонившись спиной к стене дома, возле которого они стояли. Глядя на нее сверху вниз, Макар заметил сырые расползающиеся пятна на ее легком плащике.

– Вам нужно выяснить, кто вас толкнул.

– Нет, выяснять ничего не нужно, – сказала она, и Макар удивленно вскинул брови. – Я знаю, кто это сделал.

Озадаченный и заинтригованный Илюшин присел напротив нее и внимательно посмотрел в лицо девице, проверяя, не разыгрывает ли она его.

– Кстати, меня зовут Ксения Ильинична, – добавила она, – но вы можете называть меня просто Ксеней.

– Макар. Если вам удобнее с отчеством – Макар Андреевич.

Девушка замолчала, приложила пальцы к вискам и несколько раз с силой провела по ним снизу вверх, отчего кожа на висках покраснела. Затем встала – вернее, распрямилась как пружинка, словно для нее это не составило никакого труда, – и сделала несколько шагов: до ближайшего дома – и обратно. Вытянула перед собой ладони и пару раз согнула и разогнула пальцы – похожее движение Илюшин видел у потягивающихся кошек, переминающихся лапами на подушке.

– Не обращайте внимания, я пытаюсь прийти в себя, – вдруг сказала она, отвечая на незаданный им вопрос. – Это… такой набор движений, для релаксации. Противное слово – релаксация, но ничего лучше не придумывается.

Макар ожидал, что теперь она начнет говорить, говорить беспрерывно, несвязно, как ей было страшно, когда она вылетела на дорогу, по многу раз возвращаясь к одному и тому же… Но девица снова удивила его: молча, сосредоточенно соединила кончики пальцев на руках – поочередно от мизинца до большого – и постояла, закрыв глаза и напряженно сдавливая пальцы.

– Это тоже для релаксации, – объяснила она, хотя Макар ни о чем ее не спрашивал. – Чтобы ничего не бояться.

И улыбнулась, будто сказала что-то забавное.

Только теперь он рассмотрел ее как следует. Ей было около тридцати лет, но язык не поворачивался назвать ее женщиной: она была из породы девчонок, длинноногих и легких, играющих с мальчишками на равных, забирающихся на деревья и расцарапывающих ноги в лесу, – лучшие из таких, вырастая, нисколько не теряют этой легкости. Лицо с ярким румянцем на высоких скулах, заостренный подбородок и прищуренные карие глаза под растрепанной шапочкой коротких вьющихся темно-русых волос. Большой рот под вздернутым, каким-то детским носом; уголки губ чуть-чуть загибались кверху. Ее нельзя было назвать красивой – слишком много неправильностей было в этом живом подвижном лице, слишком непохоже оно было на гладкие невыразительные лица с рекламных плакатов – прекрасные и бесстрастные. Но она была очаровательна.

Девушка открыла глаза, расцепила руки и присела на корточки – так же свободно, как и встала. Лицо ее стало спокойным, краснота исчезла, и больше она не производила впечатления человека, которого меньше десяти минут назад пытались убить и он об этом знает.

Сидя на корточках напротив Илюшина, Ксения откровенно рассматривала его, по-прежнему щуря глаза, и Макар представил, как они выглядят со стороны: парень в синей спортивной куртке и девушка в черном плаще, присевшие в довольно нелепой позе на тротуаре и изучающие друг дру-

га.

Она окунула тонкие пальцы в волосы, провела по голове, словно пытаясь уложить взлохмаченные пряди.

– Почему вы это сделали? – В ее голосе звучало эхо пережитого страха, приправленное неподдельным любопытством. – Вы же рисковали ради незнакомого человека.

– Не преувеличивайте, ничем я не рисковал, – возразил Илюшин. – Против вас действовал фактор неожиданности, а против меня он не работал. Так что не стоит обманываться и видеть во мне героя.

– Хорошо. Я не буду обманываться и видеть в вас героя. Но быть благодарной вам я могу, правда?

Она смотрела на него вопросительно, но выражение ее лица было серьезным, и Макар нехотя признался, что да, быть благодарной ему она может.

– Слава богу! – с облегчением сказала Ксения. – Я боялась, что вы мне это запретите. Нет, правда, вы очень облегчили мне жизнь!

Секунду Илюшин смотрел на нее, а затем от души рассмеялся.

– Давайте закрепим успех, – по-прежнему серьезно предложила девушка, вставая с корточек, и он поднялся следом за ней. – Если я начну вам совать деньги, то получится неловко, правда? К тому же глупо, учитывая, что у меня с собой всего двести рублей. Зато я могу предложить вам прекрасный рассольник, сваренный мастером рассольника. А также

невероятно вкусную долму.

– Ее готовил мастер долмы?

– Увы, нет. Ее готовил тот же мастер рассольника, но его мастерство, можете мне поверить, распространяется и на долму. Если вам не жалко потратить двадцать минут на дорогу и полтора часа на обед…

Она осеклась, вгляделась в серые глаза, выражения которых не могла разобрать.

– Если у вас нет времени или вы просто не хотите, скажите об этом прямо, – совсем другим тоном попросила она. – Я не хочу навязываться и выглядеть назойливой идиоткой в ваших глазах. Я всего лишь хочу накормить вас хорошим обедом, потому что это самое меньшее, что я могу для вас сделать.

– Это единственная причина?

– Вообще-то нет, – неожиданно призналась Ксеня. – Во-первых, я захотела есть после этого ужаса, а здесь нет ни одного приличного кафе. Во-вторых, к подруге я, конечно, не поеду, сейчас позвоню и отменю визит, а возвращаться домой одной мне страшно. Я понимаю, что больше со мной ничего не случится, но мне все равно хотелось бы провести ближайшее время не одной, а с кем-нибудь в компании.

– Идет, – согласился Макар. – С одним условием.

– С каким угодно! – обрадовалась она.

– Вы рассказываете мне, кто пытался столкнуть вас под колеса машины. И почему вы избежали встречи с нашей

доблестной милицией, хотя она, очевидно, должна была приехать на место неудавшегося покушения.

Девушка пристально посмотрела на него, и Илюшину вдруг пришло в голову, что она старше, чем кажется.

– Сколько вам лет? – подозрительно спросил он.

– Тридцать. – Она все же немного растерялась. – Почти. Исполнится через две недели, если доживу. А что, мой возраст имеет какое-то отношение к вашему согласию отведать нашего семейного рассольника?

– Никакого. Обычное любопытство.

– Тогда, если вы удовлетворили свое любопытство, предлагаю подняться вверх – там за углом остановка, откуда можно доехать до моего дома.

Лариса тысячу раз пожалела, что решила надеть платье: погода не баловала теплом, и она с завистью поглядывала на девушек, благоразумно накинувших куртки, плащи или весенние пальто. К тому же Толик опаздывал – от этого она особенно злилась, но старалась сдерживать злость: если она сядет в машину раздраженная, то наверняка не сможет удержаться от того, чтобы высказать ему накипевшее. А высказывать было нельзя, особенно сегодня. В другой раз, быть может…

Собственно, и платье было одной из составных частей плана: тонкое, облегающее ее красивую фигуру. Самой Ларисе не нравилось, что она широковата в плечах, – и Лень-

ка не давал ей забыть об этом, в шутку дразня ее пловчихой, – но со временем она научилась обыгрывать этот недостаток, превращая его в достоинство. У всех ее платьев и блузок плечи были сильно открыты, иной раз асимметричность покроя даже подчеркивала разворот и ширину плеч, но кожа у Ларисы была такой нежной, такой молочно-белой, что смотревший мигом забывал о некрасиво выступающих косточках и прочих недостатках, о которых она прекрасно знала.

Вот и у этого трикотажного платья, которым она надеялась утром поразить приехавшего гостя, одна бретелька все время продуманно спадала. Но если за завтраком она с удовольствием ловила на себе внимательный взгляд (а гость, Лариса честно призналась себе, был хорош – не красавец, да и не ее типаж, но чертовски интересен), то теперь кляла на чем свет стоит и бретельку, и погоду, и Толика, для которого не существовало понятия «пунктуальность».

К тому моменту, когда представительная «Ауди» Анатолия подъехала к кинотеатру, Лариса успела промерзнуть до костей. Однако в машину она села с достоинством, неторопливо, и милостиво разрешила Толе себя поцеловать.

– Что-то у тебя руки ледяные, – небрежно бросил он, разворачиваясь на узкой дороге. – Замерзла? Давно стоишь?

– Только что подошла, – лениво ответила девушка, потягиваясь. – У матушки новый клиент, требовалось его развлечь.

Анатолий бросил на нее искоса быстрый взгляд.

– Я тоже хочу, чтобы меня развлекали, – с обиженной интонацией протянул он, и Ларису позабавила капризность, которую она услышала в его голосе.

– Толенька, разве я против?

Он притормозил у обочины, окинул подругу оценивающим взглядом (наконец-то!).

– Хороша ты, Ларка, – весело сказал он и потянулся поцеловать ее, но девушка строго помахала пальцем у него перед носом. – Не понял – откуда такие запреты?

– Ты бы еще на главной площади встал! Хочешь, чтобы твоя Виктория нас увидела?

Упоминание имени жены подействовало: Толик нахмурился, газанул с места и быстро свернул в проулок.

– Едем ко мне, – предложил он, как будто у них имелись другие варианты. – Сколько у тебя времени?

– Я вся твоя… – промурлыкала Лариса, поворачиваясь к нему выгодным ракурсом – в профиль. Впрочем, ракурса Анатолий не оценил, поскольку смотрел на дорогу. Тогда она уселась поудобнее и стала смотреть на него.

Толику было сорок три года. Депутат Законодательного собрания области, он и выглядел как положено депутату: полноватый, представительный, в костюме, который скрадывал его полноту. Однако, раздевшись, он менялся так разительно, что Ларисе каждый раз стоило большого труда не расхихикаться. Мягкотелый, белый, как очищенный каль-

мар, большеголовый, с плотными безволосыми руками, Толик казался ей выросшим пупсом, а не мужчиной. Правда, несколько раз у нее была возможность выяснить, что «пупса» лучше не злить, и Лара хорошо усвоила урок. Анатолий не переносил ее насмешек, и все, что позволялось девушке, – это легкое подшучивание. Более того, когда она попыталась установить между ними отношения «прекрасная принцесса – уродливый нищий, которому невероятно повезло», Анатолий быстро расставил все по своим местам. Ларису он не держал, не собирался унижаться перед ней, выпрашивая ее благосклонность, и искренне полагал, что платит ей вполне достаточно, чтобы она была покладистой любовницей – не капризной, не скандальной, а главное – не претендующей на роль жены.

Лариса давно бы уехала из Тихогорска, если бы не любовник. Год назад неожиданно для себя самой она обнаружила, что вложила слишком много в их четырехлетнюю связь, чтобы взять и просто так ее разорвать. Она поймала себя на пугающей мысли о том, что неплохо было бы выйти за Анатолия замуж и зажить спокойно и сыто, как его жена, четыре раза в год подолгу отдыхавшая на курортах.

Однако Анатолий, которому жена родила двоих детей, не торопился менять «старое мясо на новое», по злому выражению Лени, который один из всей семьи был в курсе Ларисиной связи. От брата девушка ничего не скрывала, да это и не имело смысла: он сразу узнавал о любом ее новом увле-

чении. Именно Ленька подал ей идею выжать из Толика как можно больше, но сделать это аккуратно, постепенно. «Не пугая клиента» – так сказал Леня.

Четыре года назад, познакомившись с Толиком в единственном приличном ночном клубе Тихогорска, Лариса решила, что поиграет с ним недолго – и бросит. Когда только он успел привязать ее к себе дорогими подарками и карманными деньгами, которые, казалось не считая, подбрасывал ей во время каждой встречи? «Это он меня развратил, – зло думала Лариса, поглядывая на довольного самоуверенного мужчину за рулем. – Если бы не Толик, я бы давно устроилась на работу!»

Однако горькая правда жизни состояла в том, что на работу Ларисе было устроиться крайне сложно. Вместе с Леней она окончила институт легкой промышленности в областном центре – Анненске, находившемся всего в пятидесяти километрах от Тихогорска, и мать их была сильно удивлена, когда по окончании учебы близнецы вернулись домой: Эльвира Леоновна предполагала, что оба не захотят жить в такой глубокой провинции, какой представлялся ей Тихогорск. Однако брат и сестра решили по-своему. «Большой разницы между городами нет, – пояснил Леонид, – а жить лучше в своем доме, чем в съемной квартире».

В чем-то он был прав. Сам Леня быстро устроился представителем крупной торговой фирмы, чьими шоколадными батончиками в яркой красно-синей блестящей обертке были

завалены прилавки супермаркетов, купил в кредит машинку марки «Хундай», выплатил его как-то незаметно и удивительно быстро и теперь работал по свободному графику. «Крутиться», по выражению Лени, ему приходилось много лишь в первый год, а затем все наладилось, и Леонид даже нанял молодого амбициозного юношу, которому делегировал часть своих полномочий.

Лариса в его дела не лезла, но года три назад, помыкавшись в поисках работы, обратилась к Лене в надежде, что он пристроит ее к себе. Выпускницу института легкой промышленности не хотели брать никуда, кроме швейной фабрики, для которой, собственно, этих выпускниц и готовили. Работать на швейной фабрике Лариса не собиралась. Что она будет делать у брата, Лариса представляла смутно, но ей казалось, что ничего сложного в Ленькиной деятельности нет.

К себе Леня ее не взял, но предложил выход: он говорит матери, да и всем остальным, что сестра подрабатывает его помощницей. Так Лариса получила статус работающей по свободному графику женщины, объяснение деньгам и новым тряпкам и также возможность распоряжаться временем по своему усмотрению, не отчитываясь перед матерью. Однако за полтора года девушка не потеряла осторожности и каждый раз встречалась с Анатолием за квартал от своего дома. От него же тщательно скрывала отношения с другими мужчинами: хранить верность любовнику Лариса считала верхом глупости, а природный темперамент требовал вы-

хода – встреч с ним раз в неделю ей не хватало. Мужчины появлялись в ее жизни ненадолго и служили лишь средством удовлетворения, в том числе морального: девушка доказывала себе, что она интересна не только Толику, и на время успокаивалась.

– Ты чего такая задумчивая? – прервал Анатолий ее мысли. – Что-нибудь случилось?

– С матерью поссорилась. Начали сегодня разговор: давай продадим дом, купим всем нормальные квартиры. А она ни в какую.

– А покупатель на дом найдется?

– Уже нашелся, и не один. Кстати, дом ведь неплохой, крепкий, к тому же его постоянно ремонтируют… Слепить из него особнячок, и будет загляденье!

– Будет, – согласился Анатолий, останавливаясь у подъезда. – А что мать?

– Упирается. Говорит, там ее детство прошло, память о сестре и все такое. А меня уже тошнит от этой памяти, потому что все вместе живем, как в коммуналке, и никуда не деться! Последнее время народу стало меньше приезжать… С одной стороны, это хорошо, потому что не топчемся перед ванной, как овцы. А с другой – деньги-то нужны, правда?

– Деньги всегда нужны, – философски заметил Толя.

– Вот-вот, и я о том же. Я говорю: мам, давай дом продадим, купим нам квартиры. А она боится в долг влезать.

Детей родных оставить без жилья ей не страшно, а кредит брать – страшно!

Лариса вздохнула, бросила испытующий взгляд на Анатолия. Тот сидел, уставившись перед собой ничего не выражающим взглядом, и определить, насколько он проникся Ларисиными бедами, было совершенно невозможно.

– С тобой только и могу отдохнуть… – она подбавила в голос чувства, ласково погладила любовника по руке. – Если бы не ты…

– Ладно, пойдем, – он вылез из машины, помог выйти Ларисе и шутя дотронулся пальцем до родинки под губой. – Красотка ты моя!

Лариса терпеть не могла свою родинку и уж тем более не переносила, когда ее трогали. Однако, следуя наставлениям Лени и видя перед собой цель, которая многого стоила, сдержалась и мило улыбнулась.

– Пойдем скорее, – прошептала она, наклонившись к его уху и нежно прикусывая мочку.

Анатолий довольно ухмыльнулся, обнял Ларису за талию и повлек ее в подъезд.

Она вернулась домой два часа спустя, прошла к себе в комнату и обнаружила там Леонида, валявшегося с книжкой на диване.

– Сколько раз тебе говорить – не ходи ко мне, – зло бросила она, стягивая платье за дверцей шкафа. – У тебя своя

комната есть.

– А мне твоя нравится, – зевнул Леня, захлопывая книжку. – Второй этаж, в окна никто не заглядывает…

– Проваливай. Я переодеться хочу.

– Развела своего дурака на хату? – небрежно поинтересовался Леня, игнорируя требование сестры.

– Сам ты дурак, – огрызнулась Лара.

– Значит, не развела, – с пониманием констатировал Леонид. – Ладно, не дуйся. Это за один раз не делается, нужно постепенно, с тактом…

– Да не понимает он такта! – не сдержалась Лариса. – Морда каменная, отмалчивается, ни о чем не расспрашивает!

Она со злостью швырнула помятое платье, и оно, спланировав, накрыло Леонида. Тот отбросил его на спинку дивана, нехотя поднялся и прошелся по комнате.

– А чего ты ожидала? Что он сразу отправится тебе квартиру на Чеховском бульваре покупать? Двухкомнатную, улучшенной планировки? Так не бывает, Ларочка!

Близнецы встали друг напротив друга, злые, удивительно похожие: даже хмурились они одинаково.

– И что же, теперь мне до конца жизни с вами куковать в этой развалюхе? – Лариса широким жестом обвела комнату. Обстановка в ней до смешного противоречила ее словам: мебель здесь была новая, светлого дерева, а на комоде стояла дорогая стереосистема, подаренная все тем же Анатолием.

– Не надо драматизировать ситуацию! Ты хочешь свою

квартиру, и я тебя понимаю. Но если ты и дальше будешь наезжать на всех, как танк, у тебя ничего не выйдет! Понятно?

– Ленечка, ну что же делать? – Сестра едва не захныкала. Быстрая вспышка злости и раздражения прошла, и теперь она ощущала лишь усталость и беспомощность. У Леонида «запас прочности» был больше, и в изматывающих ситуациях Лариса всегда старалась опереться на него.

Леонид смягчился. Сестру он искренне жалел, понимал и чувствовал, чего ей не хватает. Он несильно щелкнул ее по носу и вернулся на облюбованное место на диване.

– Для начала не торопись, – рассудительно посоветовал он. – Погонишь лошадей со своим Толенькой – можешь все испортить, так что потом назад не отыграешь. Он у тебя мужик осторожный, себе на уме, так что постепенно капай ему на мозги, и результат не замедлит себя ждать. Во-вторых, мы с Эдиком матушку обрабатываем, и ты тоже присоединяйся.

– Я присоединяюсь…

– А ты присоединяйся активнее! Глядишь, что-нибудь из нашей затеи и получится.

Глава 3

Автобус остановился на самой вершине холма, куда он взбирался рывками, пыхтя, оставляя за собой клубы едкого дыма, которые Макар наблюдал в заднее пыльное стекло. Он спрыгнул на землю, подал руку Ксении Ильиничне.

Автобус, по-прежнему пыхтя, уехал. Они остались на остановке вдвоем.

– У этого района смешное название, – сказала Ксеня: по дороге она успела узнать, что Илюшин – приезжий, и теперь рассказывала ему о городе. – Лежебяки. Когда-то давно были здесь дачные кооперативы, но постепенно они слились и стали одним из районов города. Далековато от центра, конечно, зато сам видишь…

Она не закончила, но Макар и в самом деле видел.

Лежебяки раскинулись на холме. Здесь были сплошь одно– и двухэтажные дома, утопавшие в зелени садов и сирени, которая в этой части города уже зацвела. Ближе к подножию, там, где пологий склон превращался в отвесный, красные и серые крыши выныривали из зарослей кубиками игрушечного конструктора, забытого в траве. Дорога – изношенное асфальтовое покрытие, которое не обновляли по меньшей мере лет пять, – петляла между домами, уходила вниз, раздваиваясь на серые изъезженные полосы, и на обочине ее поднималась свирепая поросль молодой крапивы.

По контрасту с Лежебяками город, лежавший под холмом, представился Макару едва ли не мегаполисом. Сверху Илюшин видел, как от главной площади, на которой белело что-то похожее на развалины крепости, отходят лучами дороги. Центр и близлежащие районы были застроены кирпичными и панельными пятиэтажками, но чем дальше бежал взгляд по «лучам», тем более провинциальный вид открывался взгляду. С утра Макар успел оценить, каким разным может быть Тихогорск, и пока они тряслись в автобусе, Ксения объяснила: площадь, с которой пытался уехать Илюшин, находилась на основной магистрали, соединявшей Тихогорск с другими населенными пунктами, а главное – со швейной фабрикой, обеспечивавшей горожан работой. Половина жителей стекалась по утрам к остановке – этим и объяснялась многолюдность окраинного района, удивившая Макара.

– Пойдем. – Ксения успела отойти, пока Илюшин изучал открывшийся вид. – Родителям повезло, наш дом в пяти минутах ходьбы отсюда. А те, кто в глубине района живет, каждый год пишут жалобы администрации, чтобы пустили наконец дополнительную маршрутку – сейчас ходит одна-единственная, раз в час. Не успел на нее – жди следующую.

Пока они шли по дороге, Макар заметил, что его спутница слегка прихрамывает.

– Ксения Ильинична, что у вас с ногой?

– Разве мы не перешли на «ты»? – Она повернулась

к нему, весело уставилась своими прищуренными глазищами, которые на ярком солнечном свету казались не карими, а рыжевато-желтыми. Перепачканный мокрый плащ Ксения сбросила и осталась в джинсах и тонкой черной водолазке.

– Перешли, – не стал спорить Илюшин, твердо решивший обращаться к ней на «вы» – отчего-то ему нравилось произносить ее имя в сочетании с отчеством: все вместе звучало так, словно имя было ей на вырост. – И все-таки, что с ногой?

– Ушибла, когда упала на дорогу. Ничего страшного, скоро пройдет, тем более что идти недалеко. Кстати, я не спросила, где ты остановился.

– В пансионате Шестаковой.

– А, знаю, там по соседству живет один из моих пациентов… Все, мы пришли.

Одноэтажный кирпичный дом пятью окнами смотрел на улицу, где остановились перед калиткой Макар и Ксения. За домом находился небольшой участок, резко уходивший вниз: в этом месте склон становился особенно крутым, превращаясь в ложбину, густо засаженную кустами и деревьями.

Девушка откинула щеколду и прошла по дорожке.

– Родители на работе, – сказала она, обернувшись к Илюшину. – Я тебя познакомлю с другими членами семьи.

– А есть и другие члены семьи? – Макар изучал странное сооружение слева от дома – похоже, перед ним была большая клетка. – Вы же говорили, что живете только с родителями.

– Проходи, – вместо ответа сказала Ксения, отпирая дверь

и включая свет в темной прихожей, где возле порога в рядок выстроились разноцветные пары мохнатых тапочек: красные, зеленые, синие и желтые.

Макар зашел внутрь, нагнулся, чтобы снять кроссовки, и замер. Из комнаты навстречу ему бесшумно шагнул огромный черный кот, глянул недобрыми желтыми глазами, уселся на коврике в метре от Илюшина. Морду кота под левым глазом наискось перерезал белесый шрам, половины правого уха не хватало – вместо нее топорщились вверх короткие черные волоски. Густые белые усы стрелами торчали из шерсти. Вид у кота был устрашающий.

– Лютик, это Макар. Макар, это Лютик, – сообщила Ксения, влезая в красные тапочки и подкидывая Макару зеленые. – Будьте знакомы.

– Лютик? Как цветок? – уточнил Илюшин.

– Если полностью, то Люцифер. Но он у нас ласковый, добрый…

– Ласковый и добрый… – эхом откликнулся Илюшин, не сводя глаз с насупленной вытянутой морды, больше напоминавшей рысью, чем кошачью. О рыси заставляли вспомнить и выраженные кисточки на ушах, и широкие крепкие лапы. Кот смотрел на Макара высокомерно и с неприязнью.

– Ванная комната в конце коридора! – раздался голос Ксении откуда-то из дальних комнат. – Я пока разогрею рассольник, а ты мой руки и приходи на кухню!

– Мне разрешили помыть руки и пройти на кухню, – объ-

яснил Илюшин коту, чувствуя непреодолимое желание отчитаться перед ним в своих передвижениях по дому. – Ничего, что я в чужих тапочках?

Кот мигнул одним глазом. Второй глаз так и смотрел на Макара не моргая, точно стеклянный. Затем Люцифер вытянул вперед черную как сажа лапу, за ней – вторую, изогнулся в спине и издал негромкий курлыкающий звук – то ли мяуканье, то ли мурлыканье.

Будто по сигналу, поданному предводителем, из той же комнаты беззвучно выскользнули три тени: Илюшин опомниться не успел, как вокруг него сидели, ходили и лежали три кошки, очень похожие на Люцифера строением морды и размерами. Только глаза у них были длинные и зеленые, как виноградины. Одна, полосатая, без стеснения поднырнула под руку Макара, присевшего на корточки, потерлась пушистым загривком о рукав его свитера. Вторая улеглась, развалясь, надменно поглядывая то на гостя, то на черного кота; третья, самая пушистая, грациозная и длинная, запрыгнула на полку, где лежали ключи и расчески: полка скрипнула и прогнулась под тяжестью зверя.

– А вот сейчас по ушам! – пригрозила Ксения, появляясь так же бесшумно, как кошки за минуту до нее. – Вилка, брысь!

Кошка, названная Вилкой, нехотя спрыгнула с полочки, независимо глянула на Макара и удалилась, покачивая хвостом.

– Виолетта фон Грамштальд, – пояснила девушка ей вслед. – Немецких кровей кошечка. Маленькая еще, котенок, вот и лазит где нельзя. Мой руки и пойдем на кухню, буду угощать тебя рассольником.

– Подожди, как – котенок? – От удивления Макар перешел на «ты», хотя не собирался этого делать. – Котята такими не бывают.

Ксения Ильинична усмехнулась.

– Это такая порода – мэйн-куны. Виолетте семь месяцев, остальные старше. Да, ты еще Гэндальфа не видел! Он у нас стеснительный, чужих побаивается.

– Сколько же в доме кошек? – вскинул брови Илюшин.

– Два кота и три кошечки. Это много для обычного дома, но у меня же не обычный…

– А какой?

– У меня – дом-питомник.

На кухне – небольшой, выходившей окнами на склон – Илюшин с неожиданным для самого себя аппетитом съел отменный горячий рассольник и откинулся на спинку стула, наблюдая за девушкой, разогревавшей обещанную долму. Она вела себя без малейшего смущения, словно они были знакомы тысячу лет и знакомство их произошло при самых обычных обстоятельствах – скажем, они вместе учились в институте. У Макара не укладывалось в голове, как может быть так безмятежен человек, которого пытались убить

меньше двух часов назад и попытка эта вполне могла увенчаться успехом, если бы не его вмешательство. Кошки расселись на стульях вокруг и внимательно наблюдали за хозяйкой, водя туда-сюда длинными насупленными мордами. Один раз заглянул на кухню Люцифер, зыркнул на Илюшина лунным глазом и исчез, убедившись, что все в порядке.

– Ксения Ильинична, кто на вас покушался? – спросил Макар, когда она поставила перед ним тарелку и сама села за стол.

– Алла Богданова, – без всяких сомнений ответила та. – Или она сама, или кто-то из ее приятелей.

– А поподробнее?

Ксеня вздохнула и рассказала подробнее. История оказалась проста и незамысловата, и было в ней про девушку, выросшую в Тихогорске и уехавшую учиться и работать в соседний город, парня, влюбленного в девушку и готового ждать ее возвращения, и про несчастную третью сторону треугольника, надеявшуюся, что Ксения Ильинична Пестова больше никогда не вернется в родной Тихогорск.

Когда-то Ксения жила в районе-поселке, который называли Фабричным, – расположенном неподалеку от швейной фабрики. Маленькие квартирки, убогие дворики, вечно грязные подъезды и дворничихи с испитыми лицами, яростно гоняющие подвальных котов; озлобленные работницы, возвращавшиеся с фабрики поздно вечером; крепко выпивающие красномордые мужики, орущие на собственных и чу-

жих детей, – вот что такое был район Фабричный. При первом представившемся случае семья Пестовых уехала оттуда, но до этого радостного дня Ксеня с родителями прожила в поселке восемнадцать лет.

С Никитой Борзых, высоким красивым парнем с черными цыганскими глазами, она училась в одном классе, и все знали, что наглый красавчик Борзых пасует только перед Ксеней Пестовой. Однако дразнить Борзых никто не решался: в поселке о нем и о компании, которой Никита предводительствовал, ходила дурная слава. Пятеро крепких, накачанных, спортивных ребят ходили лениво, смотрели пренебрежительно, дорогу никому не уступали. Илья Иванович, Ксенин папа, говорил о Никите – «харизматичный парень», а мама каждый раз морщилась так, что Ксене сразу становилось понятно: харизматичность Никиты маме глаза не застит, и к Борзых она относится точно так же, как и сама Ксения, – насмешливо-пренебрежительно.

Свое отношение к однокласснику девушка не скрывала, но, несмотря на это – а может быть, именно потому, – Борзых таскался за ней как хвост, пытался ухаживать сообразно своим представлениям о «красивом» и рьяно отваживал других ухажеров. В представления о красивом входили семь или тринадцать бордовых роз в блескучей целлофановой обертке по мало-мальски подходящим поводам в виде дней рождения и Восьмого марта, небрежные поигрывания мускулами при встрече, а также показательное избиение по-

тенциальных соперников. Впрочем, последнее Ксения быстро пресекла.

– Ксюша, он даже в чем-то трогателен… – задумчиво говорил отец, изучая очередные бордовые розы, обернутые в пакет и перетянутые золотой бумажной ленточкой. – Ты к нему несправедлива.

Ксения не хотела соглашаться с папой. Борзых невероятно раздражал ее своей наглостью в сочетании с уверенностью, что весь мир принадлежит ему по праву сильного – во всяком случае, часть этого мира в виде поселка Фабричный.

Однако на школьном выпускном, хлебнув в женском туалете «Амаретто», Ксеня с непривычки захмелела настолько, что позволила Борзых проводить себя до дома и даже поцеловать в подъезде. Неприятнее всего ее поразил не сам поцелуй – слюнявыми требовательными губами Никита раздвигал ее губы и прижимал девушку головой к шершавой стене так сильно, что у нее заболел затылок, – а то, что Борзых воспринял происходящее как должное. Отстранившись от Ксении после первого поцелуя, он удовлетворенно спросил:

– Чего ломалась-то столько лет? Выпускного хотела дождаться, чтобы все красиво получилось?

Первый поцелуй стал и последним. Когда ошеломление от слов Борзых прошло, Ксения изо всех сил оттолкнула его от себя, и парень слетел вниз по лестнице, чуть не упав, но в последний момент схватился за перила.

– Что я такого… – начал было он, но девушка уже не слу-

шала – она стрелой взлетела на свой этаж, быстро отперла дверь тамбура и захлопнула ее перед носом подбежавшего Никиты, досадуя на саму себя. «В чем-то он даже трогателен, – передразнила она отца. – Трогателен, как же! Тьфу!»

Ксения уехала в Анненск, поступать в институт, а Борзых пошел в местный колледж. Она не интересовалась его судьбой, а после того случая избегала вспоминать о Никите – память сразу услужливо подсовывала боль в затылке и ощущение чужого липкого требовательного рта, прижимавшегося к ее губам, из которого несло дешевой водкой.

Как-то раз зимой, вернувшись на каникулы к родителям, к тому времени уже купившим дом в районе Лежебяки, Ксения шла по улице и нос к носу столкнулась с молодой женщиной, в которой не сразу узнала свою одноклассницу – Аллу Богданову. Аллу, которую отчего-то все звали Лялькой, Ксения не то чтобы не любила, но старалась не замечать. Не из-за высокомерия, которого в ее характере не было вовсе, а оттого, что Лялька была девчонкой странной и неприятной, обладавшей способностью цепляться как репей к кому ни попадя. Невысокая, грудастая, с плоским белым лицом, черты которого были ею унаследованы от бабушки-монголки, бойкая и вечно остервенелая Алла созрела раньше, чем все остальные девочки в классе Ксении, и сразу стала пользоваться успехом у мальчиков. Конкуренцию ей не мог составить никто, однако, несмотря на это, девчонок Лялька ненавидела искренне, от души, и не упускала случая эту ненависть по-

казать. Подруг у нее не было, приятельствовала она исключительно с парнями, причем слухи об этой дружбе ходили нехорошие, гаденькие, пересказываемые шепотом в школьных коридорах.

Пожалуй, кроме Ксении, Богданова была единственным человеком во всей школе, ничуть не опасавшимся Никиту Борзых. Больше того – он и сам ее побаивался. Тому были причины. Лялька частенько впадала по пустякам в бешенство и в таком состоянии становилась страшна: темные глаза начинали неудержимо косить, и зрелище это было пугающее, а вовсе не забавное. Волосы Алла одним небрежным движением руки перекручивала так, что они собирались в подобие хвоста, и вдоль лица оставались висеть две пряди, похожие на черную сгоревшую траву. Для устрашения она могла и зубы оскалить, а один раз завизжала – натурально завизжала на весь этаж, так что прибежали учителя и два завуча. К парням Алла была благосклонна, а вот девчонки ее нешуточно боялись – куда больше, чем того же Борзых.

Несмотря на это, наткнувшись на Аллу, Ксения почти обрадовалась. Часть ее одноклассниц разъехалась по другим городам, две и вовсе эмигрировали из страны, и, возвращаясь в любимый Тихогорск, девушка ловила себя на том, что скучает по тем, с кем вместе училась.

– Алла, привет! – Она радостно схватила руку в белой варежке и потрясла, по старой привычке здороваясь рукопожатием.

– Ты что здесь делаешь? – напористо спросила Лялька, не здороваясь и выдергивая руку. Она-то одноклассницу узнала моментально, и в глазах ее загорелась ненависть.

Ксения немного растерялась: в школе они почти не общались, и такой реакции она не ожидала.

– К родителям приехала.

– Надолго?

– На две недели.

– И сколько уже прошло?

Ксения замолчала, отстранилась от Ляльки, оглядывая ее. За прошедшие четыре года та сильно изменилась: черноволосая девчонка исчезла, ее место заняла молодая женщина с некрасивым, но интересным лицом. В школе Богданова не красилась, теперь же яркий макияж прибавлял ей возраста. Только выражение глаз осталось прежним – беспокойным и агрессивным.

– Приятно было пообщаться, – иронично сказала Ксеня и развернулась, чтобы уйти.

– Нет, ты подожди!

Алла ловко ухватила ее за отворот дубленки и с силой притянула к себе, так что Ксеня взмахнула руками в попытке удержаться на ногах и не упасть на обледеневший асфальт.

– Ты подожди, – повторила Алла, и в глазах ее появилась знакомая Ксене бесноватость. – Ты сначала послушай меня и запомни: четыре года мы тебя здесь не видели и еще десять лет не хотим видеть.

– Это ты о себе теперь так говоришь – «мы»? – поинтересовалась Ксеня, скидывая руки Богдановой со своей дубленки. – Скромно, во множественном числе? Вот так, Ляля, с простого комплекса Наполеона и начинается паранойя.

– Шуткуй-шуткуй, Пестова, – негромко, с нескрываемой угрозой в голосе проговорила Алла, и простонародное «шуткуй» резануло Ксене слух. – Дошутишься, смотри… Увижу тебя рядом с Никитой – порежу сразу. Ты не думай, что я тебя пугаю. Я и правда порежу, – уже без угрозы, просто и както буднично добавила Богданова.

Ксеня молча развернулась и пошла прочь, чувствуя, что Лялька провожает ее взглядом. Ощущение от встречи у нее осталось самое гадкое.

Спустя короткое время она услышала от общих знакомых, что Алла с Никитой начали встречаться почти сразу после того, как Ксения уехала в Анненск. Периодически Богданова говорила, что скоро свадьба, что Никита уже сделал ей предложение… Но Борзых женился на ней лишь спустя три года. Поговаривали, что на почве ревности Богданова совсем сошла с ума: незнакомой девчонке, которую заподозрила в том, что та строит глазки ее Никите, изрезала в клочья одежду, и Борзых пришлось заплатить немало денег, чтобы откупиться и от семьи девчонки, и от милиции. Говорили, что Лялька порвала все прежние связи, собралась начать новую жизнь с Никитой, а новая жизнь все не начиналась. Поговаривали и о том, что Лялька оказалась «бракованной»

по женской части – и само словечко «бракованная» приписывали Никите, якобы бросившему его спьяну в большой компании, – и никак не могла родить Борзых ребенка.

Кто-то рассказал, что, оказывается, Богданова уже в школе была влюблена в Никиту.

– Она его давно дожидалась, – убеждала Ксению знакомая. – Никита тогда, после школы, от безысходности к ней метнулся, и она его крепко к рукам прибрала. Я их несколько раз видела вместе – Богданова на него как собачонка смотрит. Все для него сделает, ей-богу. Ксень, держись ты от них обоих подальше.

Держаться подальше от Борзых и Богдановой Ксении было несложно: она закончила учебу и стала работать кардиологом в областной больнице Анненска. Жизнь шла своим чередом: родители обустраивали жилье и привыкали жить в новом доме, сама Ксеня вышла замуж за местного стоматолога и обосновалась у мужа в однокомнатной квартирке, окнами выходившей на ту самую больницу, в которой она теперь работала.

А затем случились «обстоятельства». Так Ксеня и сказала Илюшину, замявшись на пару секунд: «Случились обстоятельства… В общем, мне пришлось вернуться в Тихогорск». – «А муж?» – спросил Илюшин. «Муж? – удивилась Ксеня. – А, Максим… Мы к тому времени уже несколько лет как развелись».

Макар задал еще пару уточняющих вопросов, но девуш-

ка ответила на них уклончиво, и он не стал настаивать, решив, что все потом узнает. Ясно было одно – Ксеня вернулась в родной город меньше года назад и стала жить с родителями, кардинально сменив сферу деятельности.

Когда Алла Богданова узнала о том, что Ксения Пестова приехала в Тихогорск «насовсем», с ней случилась истерика. Было это в большой компании, отмечавшей чей-то день рождения в ресторане, и пятнадцать человек рассказывали потом, прибавляя от себя разнообразные детали, что сначала Лялька не хотела верить в то, что ей говорили, а затем завизжала, как когда-то в школе, и выбежала из ресторана. Никиты с празднующими не было, и следом за ней побежали девчонки, но скоро вернулись обратно: выяснилось, что Богданова сидит на снегу и рыдает. Успокаивающих ее девушек она не слушала, да никто особенно и не старался – ее по-прежнему не любили.

Порыдав, Алла встала и, как была – с потекшей тушью и размазанной помадой, – вернулась к празднующим. Кто-то из мужчин заметил, что неплохо бы ей умыться, но Богданова посмотрела на него замороженными глазами, и больше никто ей замечаний не делал. Пытались веселиться по-прежнему, однако над столом повисло ощущение, будто среди них сидит покойник, и постепенно праздник стал затухать. Сам именинник, желая поддержать «температуру», произнес заплетающимся языком торжественную речь, но во время его выступления, после фразы о верных друзьях и краси-

вых подругах, Алла встала, обвела взглядом сидящих за столом и негромко сказала, перебив говорившего на полуслове: «Значит, решила чужое прибрать…» И вышла, забыв на спинке стула накидку.

А на следующий вечер подстерегла Ксению возле дома и молча, без слов и криков, набросилась на нее. Ксения так растерялась, что не догадалась даже закричать и лишь пыталась закрыть руками лицо, в которое яростно метила кулаками Алла. После очередного удара Пестова поскользнулась и, падая, случайно попала острым каблуком Богдановой по коленке. Взвыв, та свалилась рядом, и пока она пыталась подняться, Ксения вскочила и отошла на несколько шагов.

Сказать она ничего не могла, тяжело хватала ртом воздух. Богданова лежала на снегу и поскуливала, прижимая к груди согнутую коленку – как выяснилось позже, Ксеня повредила ей мениск. Когда же Алла наконец поднялась, в глазах ее снова появились знакомые Ксении бешенство и ярость.

– За Никитой вернулась, – выдавила она. В драке с головы Аллы свалилась шапка, и черные волосы по-ведьмински разметались вокруг плоского белого лица. – Не дождешься ты Никиту! Не получилось у тебя ничего с твоим мужиком, и ты решила на чужого позариться?! А-а-а?!

– Мне твой Борзых и в школе был не нужен, а сейчас и подавно, – сухо сказала Ксения, соображая, что же делать дальше. По лицу Богдановой она видела, что та не верит ей, и понимала, что теперь можно ожидать чего угодно. – Увижу те-

бя еще раз около моего дома… – она подумала и быстро изменила угрозу, – встречусь с Никитой и все ему расскажу.

Богданова бесстрастно смотрела на нее, и Ксеня, поколебавшись, вошла во двор и плотно прикрыла за собой калитку.

Родители, узнав о произошедшем, отругали дочь за то, что она не вызвала милицию.

– Я твою Богданову помню! – приговаривала перепугавшаяся мама, обрабатывая у дочери на лице царапины. – Говори что хочешь, но она всегда была бесноватая, вся в мать. На родительских собраниях та всегда сидела молча, только глазами зыркала, как в прорези, вправо-влево. На нас смотрела презрительно и никогда ни с кем, кроме учительницы, не общалась.

– Почему в милицию не позвонила? – повторял отец. – Давай сейчас позвоним, пока не поздно. А если она в другой раз надумает тебе кислотой в лицо плеснуть?

– Я ей пригрозила, – морщась от боли, проговорила Ксения. – Она больше ко мне не сунется. Не надо в милицию заявлять – себя же на посмешище выставим…

Однако писать заявление в милицию пришлось всего три дня спустя. Ксения, попросив у отца его машину, поехала в центральный магазин, чтобы закупить продукты и еду для животных. Когда она, вернувшись, остановила «девятку» возле дома, откуда ни возьмись на капот, как обезьяна, вскочил парень в толстом дутом пуховике и шерстяной

шапке с прорезями, спущенной на лицо. В руках у него была бейсбольная бита. От неожиданности Ксеня закричала, и парень тут же обрушил биту на лобовое стекло машины. Оно пошло трещинами. Затем, соскочив, умчался в сторону остановки, впрыгнул в стоящую неподалеку машину и скрылся.

Свидетели, видевшие отъезжавший автомобиль, показали, что за рулем сидел парень, а в салоне был пассажир, но никого из них они не узнали бы и номера машины не запомнили. Ксения рассказала следователю о первом случае нападения Аллы: она была совершенно уверена, что парень с битой – из той компании, с которой Богданова дружила в юности.

– Ксения Ильинична, ну что вы придумываете, – протянул следователь, не глядя на нее. – Мужчину не поделили, это бывает. Машинка у вашего отца застрахована, а хулигана мы найдем, не беспокойтесь.

Ксения хотела что-то сказать, объяснить, донести до этого человека, что Алла Богданова теперь не оставит ее в покое и ей нужна какая-то защита… Но взглянула на красное равнодушное лицо и промолчала.

На следующее утро она позвонила Никите Борзых и договорилась с ним встретиться в одном из тихих ресторанов.

Бывшего поклонника она не видела очень давно и теперь изумленно вглядывалась в лицо, сквозь которое едва проступали черты мальчика, с которым она целовалась после вы-

пускного. Борзых заматерел и раздался, приобрел вальяжность. Яркие цыганские глаза заплыли, и весь он стал ленивый и разморенный. Странно было наблюдать в тридцатилетнем парне повадки пятидесятилетнего главы мафиозного клана – при том что Никита был совладельцем небольшой фирмы, привозившей в Тихогорск белорусскую мебель.

Первые десять минут их общения Борзых держался прохладно, говорил скупо и мало, всем своим видом демонстрируя бывшей однокласснице, как велика отныне пропасть между ними. Но затем опрокинул пару стопок водки «за встречу» и очень быстро опьянел, начал жаловаться на свою жизнь и отсыпать комплименты Ксении. Прежде чем она поняла, к чему все идет, Никита поднялся, вышел из-за стола, едва не опрокинув бокал, опустился перед ней на одно колено и с пафосом проговорил:

– Ксенька, выходи за меня замуж! Я ж тебя на руках носить буду! Ты женщина свободная, я тоже…

– Никита, я всего четыре года как развелась. Так часто замуж выходить вредно, – ответила Ксения, отодвигаясь в глубь диванчика от стоявшего перед ней мужчины, от которого – по иронии судьбы – так же пахло водкой, как и в тот вечер, в подъезде.

– Тебе все шутки… А я серьезно предлагаю, понимаешь? Серьезно!

Борзых продолжал стоять на одном колене, и вид у него был нелепый и в то же время пугающий. «Пугающий – это

оттого, что глаза пьяные и назойливые, – поняла Ксеня. – Черт меня понес с ним встречаться! Но кто же знал…»

– Послушай, – как можно мягче сказала она, – замуж я в ближайшее время выходить не собираюсь, поэтому предлагаю эту тему закрыть. Сядь за стол, прошу тебя.

– Ксенька, да ты не понимаешь, от чего отказываешься!

«Понеслось…» – мысленно вздохнула она, слушая, как Борзых расписывает преимущества жизни с ним. По всему выходило, что он осчастливил Ксению своим предложением и она будет локти кусать, если сдуру откажется.

Не в силах больше его слушать, Ксения прервала Никиту на полуслове:

– А как же Алла?

– Лялька?

Борзых помрачнел, поднялся с колена. На штанине осталось мокрое пятно.

Он уселся за стол, повертел в пальцах пустую стопку.

– А Ляльке я ничего не обещал, – неожиданно жестко проговорил он. – Так что никаких прав на меня она не имеет. Как женился, так и разведусь.

Несмотря на все угрозы Богдановой и ее общепризнанную «ненормальность», Ксения не чувствовала страха перед Аллой: она от природы была не пугливой, а работа в больнице закалила характер, сделав ее одновременно мягче и бесстрашнее. После слов Никиты ей стало жалко Ляльку, которая так держалась за этого раскормленного, не очень умного

мужчину и, наверное, искренне его любила.

– Попроси, пожалуйста, Аллу оставить меня в покое, – сказала Ксения, вставая.

– Подожди, ты куда?!

– Мне пора… Извини, нужно помочь отцу с машиной.

– С тех пор я видела Богданову несколько раз, – закончила девушка. – Она следила за мной и делала это довольно неумело.

– Вы встречались с Борзых? – спросил Макар.

– Нет, после того случая – не виделась. Правда, он пару раз мне звонил, но я видела номер на определителе и не брала трубку. Формально у Аллы нет повода мне мстить. Но я отлично понимаю, что таким, как Алла, повод не нужен.

– Правильно. Они всегда могут его выдумать. – Илюшин помолчал, обдумывая ее рассказ, затем добавил: – Ксения Ильинична, я все равно не понимаю, почему вы сегодня не остались ждать милицию, а ушли с места происшествия. Одно дело – разбить стекло машины, другое – толкнуть под машину человека. Вы хоть понимаете, что на вас покушались?

Она несколько раз с силой кивнула, отчего шапочка волнистых волос разлохматилась, а челка упала ей на лоб, и вытянула губы в трубочку. Лицо у нее стало таким забавным, что Илюшин едва не рассмеялся и спросил:

– Тогда в чем же дело?

Ксеня встала, убрала тарелки в раковину, и Макар снова обратил внимание, как легко она двигается – словно в ней живет ветер. Он никак не мог уловить, в чем заключается необычность ее жестов, самых простых и будничных – вроде сметания крошек со стола в тарелку, – и подумал, что в юности она, наверное, занималась танцами.

Девушка молчала, и он повторил:

– Так в чем же дело, Ксения Ильинична?

– Если ты думаешь, что меня это не заботит, то ошибаешься. Но я реалист. Я понимаю, что того парня никто не будет всерьез искать. А ушла я оттуда, потому что очень испугалась. – Она обернулась и посмотрела на Макара, широко раскрыв глаза.

Свет из окна падал на ее лицо, и теперь Илюшин видел, что глаза у нее не просто карие, а с медовым золотистым оттенком, словно пропитанные летним солнцем. Он даже почувствовал что-то похожее на смущение, потому что она все не отводила взгляда, и он не мог понять, на него ли она смотрит.

– Испугалась, – повторила Ксеня и отвернулась. – Первый раз за все это время. Даже того парня с битой я не боялась, а теперь… – Она замолчала, поежилась. – Когда я боюсь, то сразу же стараюсь сделать вид, что ничего не случилось. Как будто страха не было. И от этого он действительно проходит. Я так саму себя гипнотизирую, понимаешь? Ну… и еще делаю кое-что, чему меня научил мой друг, когда я

работала в больнице.

– Пальцы?..

– Да. В том числе. Это очень помогает, снимает… спазм страха.

В комнате повисло молчание, прерванное одной из кошек – она вдруг затарахтела, встопорщив усы, словно радуясь наступившей тишине.

– Ксения Ильинична, нужно написать заявление в милицию, – мягко сказал Макар. – Вы же это понимаете, правда?

Илюшин хотел добавить, что ей нужно быть очень осторожной, ни в коем случае не ходить одной, и если она сочтет необходимым, он даст в милиции все необходимые показания… Но осекся на полуслове, вспомнив, что всего пару часов назад не собирался ей ничем помогать – достаточно было того, что он уже сделал. «Я слишком быстро и глубоко влез в это дело, – понял он. – Нужно было отказаться еще тогда, когда она меня пригласила».

Приняв решение, Макар всегда действовал быстро. Лишние сложности в чужом городе, сказал он себе, совершенно ни к чему: первоначально планировалось лишь пройти курс лечения, попутно удовлетворяя собственное любопытство. Этого плана и надо придерживаться. Точка. Ничего больше. Никаких вмешательств в жизнь очаровательных молодых женщин. К тому же он дал ей хороший совет, и если Ксения Ильинична ему не последует, значит, она глупее, чем кажется.

– Простите, мне пора, – извиняющимся тоном сообщил Макар и поднялся. – Спасибо за обед, рассольник был потрясающим.

Ксеня удивленно посмотрела на Илюшина. Только что он спросил ее о чем-то, а спустя всего минуту, не дожидаясь ответа, уже встал, чтобы уйти. Она растерялась, не понимая, что произошло, ответила что-то вежливое…

Илюшин уже не слушал, что именно говорит девушка. Он ощущал, что чем быстрее уйдет из этого дома, тем лучше будет для него, не говоря о том, что он потерял сегодня уйму времени. Поэтому Ксене пришлось повторить свой вопрос два раза.

– Что?

– Я говорю, ты пойдешь со мной в милицию? Не как свидетель, а просто… просто так.

Илюшин отрицательно покачал головой:

– Извини.

Она откровенно огорчилась.

– Жаль. Хотя… хорошо, что ты все-таки перестал мне «выкать». И спасибо тебе.

Пять минут спустя Макар прошел по дорожке, ведущей от дома до забора, и прикрыл за собой калитку.

– Мр-р-р, – раскатисто сказали сверху, и, переведя взгляд, Илюшин обнаружил сидящего на столбе Люцифера. Кот смотрел на него раскосыми желтыми глазами, и Макар готов был поклясться, что видит во взгляде зверя насмешку.

Он дождался автобуса и вскочил в него, решив доехать до центра, а там уже и добраться до дома Шестаковых. В санаторий ехать не хотелось, к тому же спина сейчас его не беспокоила, а вот настроение, непонятно отчего, испортилось, так что лучшим выходом ему представлялось возвращение в гостиницу.

Автобус высадил его на той самой остановке, с которой утром он пытался уехать. Сейчас она была почти безлюдной, об аварии напоминал только черный след от колеса на бордюре. Пройдя по переулку, Илюшин свернул на узкую тихую улочку и побрел мимо двухэтажных домов, во дворах которых сушилось белье, вывешенное сразу после дождя, а из земли под окнами лезли темно-зеленые заостренные стебли. Подоконники в домах были заставлены рассадой, сквозь которую иногда выглядывала любопытная кошачья физиономия.

«Сплошные кошки повсюду. Тихогорск – город кошек».

Несмотря на прекрасный день, влажный, теплый, пахнущий пролившимся ранним утром дождем, листвой и – конечно же – сиренью, аромат которой Илюшин уже воспринимал как естественный запах города, настроение у него становилось все хуже с каждым шагом, приближавшим его к цели. В самом мрачном настроении он обходил ямы на дороге, на дне которых собралась вязкая глянцевая грязь, и размышлял над тем, что из всех людей, живущих в гостинице,

ему нужно в первую очередь поговорить с Элей Шестаковой.

Не дойдя до их дома, Илюшин остановился.

Возле соседнего палисадника стояла красная «девятка», за рулем которой сидела Ксения Ильинична Пестова.

Завидев Макара, она вышла из машины и направилась к нему, перепрыгивая через ямы. Илюшин молча ждал.

– Окончание нашего ланча мне не понравилось, – подойдя, без предисловия сказала Ксения Ильинична. – Оно получилось каким-то скомканным. Чем был вызван ваш побег, уважаемый Макар?

– Побег?

– Именно.

Теперь она говорила ему «вы», смотрела рассерженно, словно успела приобрести на Илюшина какие-то права, и была так хороша собой, что намерения Макара отделаться вежливыми шаблонными фразами растаяли как туман.

– Мой побег, – честно сказал Макар Илюшин, признаваясь в первую очередь самому себе, а уж потом ей, – был вызван тем, уважаемая Ксения Ильинична, что вы мне понравились. И я не захотел для себя осложнений, которые могут быть вызваны продолжением нашего знакомства.

Она нахмурилась:

– Если перевести то, что вы сказали, на человеческий язык, получится, что вы меня испугались?

Вид у Ксении Ильиничны был требовательный, и Макару стало ясно, что она не отступит.

– Не вас. Возможного развития событий.

– Да что с вами?! – вспыхнула она. – Можете вы говорить по-человечески или нет? «Возможного развития событий»! Почему раньше вы разговаривали со мной нормальным языком, а теперь выбираете какие-то казенные обороты? Впрочем, неважно.

Она прикусила губу, глядя на него снизу вверх и стоя так близко, что он чувствовал слабый запах от ее растрепанных волос – пахло горьковатой зеленью.

– Я хочу, чтобы вы пошли со мной и помогли написать заявление, – чуть спокойнее проговорила она, не отводя глаз от Макара.

– Зачем я вам, Ксения Ильинична? Заявление вы прекрасно напишете и без меня, и мы оба об этом знаем. Так зачем?

Она немного поколебалась, словно решаясь, говорить ему или нет.

– Затем, что вы мне помогли. Не люблю, знаете ли, оставаться в долгу, так что теперь моя очередь вам помогать.

– Помогать? – недоверчиво переспросил Илюшин и усмехнулся. – В чем же?

– Хотя бы в том, чтобы вы больше не опасались… как вы там выразились? А, возможного развития событий! Считайте это тренингом по преодолению страха.

Макар собрался что-то возразить и тут поймал себя на том, что возражать ему совершенно не хочется.

– С одним условием, – сказал он.

– Опять? Каким на этот раз?

– Вы все-таки станете говорить мне «ты».

Ксеня прищурилась, сдерживая радостную улыбку, и кивнула.

– Мне нужно вернуть папину машину, – сказала она, кивнув в сторону «девятки». – У тебя есть дела? Мы могли бы сразу зайти в отделение…

– У меня нет дел, – сказал Илюшин, выкидывая из головы дом Шестаковых и все странности, происходившие в нем. – Во всяком случае, таких, которые нельзя было бы перенести. Поехали.

Эля Шестакова смотрела из окна своей комнаты, как гость, который должен был находиться в санатории, открывает дверцу старой «девятки» красивой молодой женщине с короткими темно-русыми волосами, а затем и сам садится на пассажирское сиденье. Машина уехала и увезла Макара Илюшина, улыбающегося неизвестно чему.

* * *

Москва, за две недели до описываемых событий.

Спина у Илюшина заболела неожиданно, и поначалу Макар не придал этому никакого значения. «Продуло», – отмахнулся он от Сергея, поднявшего брови при виде друга, державшегося за поясницу. Однако трехдневное самолечение не помогло, и когда Макар с трудом встал утром с посте-

ли, он оправился к врачу.

Результат оказался неутешительным: пояснично-крестцовый остеохондроз. Врач сунул Илюшину список требуемых лекарств и предупредил, что неплохо бы пройти курс полноценного лечения, а не ограничиваться снятием симптомов.

Возвращаясь из клиники, Илюшин зашел в супермаркет за вареньем для своей соседки, Зари Ростиславовны, – та накануне вечером вернулась с отдыха, и Макар еще не успел с ней повидаться[1]. С пятью аккуратно уложенными в пакет банками вишневого варенья он поднялся на двадцать пятый этаж и позвонил в квартиру соседки.

– Макар! – Лепицкая искренне обрадовалась ему. – Заходите, голубчик, заходите… Хотите чаю?

За чаем Илюшин выслушал рассказ о санатории, где старушка провела три недели, подлечивая радикулит. В голове его забрезжила идея, и он задал еще несколько наводящих вопросов, на которые Заря Ростиславовна охотно отвечала.

– Только останавливаться в самом санатории я бы не рекомендовала, – предупредила она. – Номера – в ужасном состоянии! В городе сдают квартиры для приезжих, и я этим воспользовалась. Правда, оказалось…

Она запнулась и замолчала.

– Что оказалось?

– Даже не знаю, как вам об этом рассказать… – Она вста-

[1] История знакомства Илюшина и Лепицкой – в детективном романе Е. Михалковой «Рыцарь нашего времени».

ла, явно сильно смутившись, и достала из шкафа печенье. – Ей-богу, невероятная глупость… Дело в том, что я видела привидение.

– Оно гремело цепями? – с самым серьезным видом поинтересовался Макар, но Лепицкая обернулась, держа в руках коробку, и он увидел, какое огорченное у нее лицо.

– Что за привидение, Заря Ростиславовна? – спросил он уже без насмешки.

Старушка помолчала, поставила печенье на стол и осторожно присела.

– Я видела высокую женщину в длинном белом платье, – сказала она, посмотрев Макару прямо в глаза. – Она поднялась по лестнице на чердак. В доме два жилых этажа, хозяйка неоднократно сокрушалась при мне, что давно пора разобрать чердак – мол, там одна рухлядь, – поэтому мне стало любопытно, кто же мог туда подняться. Кроме того…

Она замолчала.

– Кроме того – что? – спросил Макар после паузы.

– Я была единственной дамой среди гостей, – с достоинством проговорила Лепицкая. – На первом этаже останавливался какой-то молодой человек, который довольно быстро съехал, а в соседней со мной комнате жил очень любезный пожилой господин. И все.

– У хозяйки есть дочери?

– Да, но из них старшая – толстая дурнушка, а средняя – высокая, но в этот день отсутствовала дома. Впрочем,

я в первую очередь о них подумала! Поймите, Макар, я поднялась наверх из любопытства, потому что была уверена: домой вернулась Лариса – это как раз та девушка, которая должна была уехать, якобы по делам. Каюсь, мне стало ужасно интересно, что же ей понадобилось на чердаке.

– И вы поднялись за ней следом, – догадался Макар.

– Да, – подтвердила Лепицкая. – Я поднялась за ней и успела увидеть, как она закрывает за собой дверь на чердак. Мне стыдно признаваться в этом, но я подкралась к двери, немножко приоткрыла ее и попробовала подглядеть в щелку. Но в комнате было так темно… я ничего не могла увидеть… и тогда я отворила дверь пошире. Мне показалось, что в дальнем углу раздался тихий стон, я испугалась и хотела позвать кого-нибудь, но потом сообразила, что сначала нужно посмотреть самой: вдруг я подниму шум по какому-нибудь пустяковому поводу! Вы меня понимаете?

Макар кивнул.

– Я позвала Ларису, но мне никто не ответил. Тогда я нашла выключатель и включила свет на чердаке.

Лепицкая замолчала, уставившись в пространство застывшим взглядом.

– Заря Ростиславовна! – позвал Илюшин. – И кто же там был?

Старушка вздрогнула и перевела взгляд на него.

– Там никого не было, Макар, – тихо сказала она. – Совершенно пустой чердак.

С минуту они молча смотрели друг на друга.

– Я понимаю, что вы мне не верите, – заторопилась Лепицкая, когда молчание затянулось. – Да что говорить о вас! Я сама не поверила собственным глазам! В конце концов я решила, что это чей-то розыгрыш, и ушла… Но мне было не по себе. Такое, знаете, неприятное ощущение, что за тобой наблюдают и оценивают каждый твой шаг. Вечером, вернувшись из санатория, я вошла в свою комнату, закрыла дверь и, простите тысячу раз за подробности, начала переодеваться к ужину. Когда я стояла, повернувшись лицом к окну, за моей спиной раздался тихий скрип, и дверь отворилась.

– Вы не заперли дверь?

– В том-то и дело, что заперла! Я точно помню, как поворачивала ключ в замке! Но она приоткрылась – сама, словно от сквозняка, хотя никаких сквозняков в доме нет.

– Вы вышли в коридор?

– Разумеется! И там снова никого не было. И опять это невозможное ощущение, что рядом с тобой стоит человек, а ты его не видишь! Жутковатое чувство, и я постаралась избавиться от него: вернулась к себе и принялась читать. Пару раз мне показалось, что кто-то прошел мимо моей двери, и один раз я даже встала и послушала… очень аккуратно, чтобы никого не спугнуть. Но ничего не услышала.

Лепицкая нервно сцепила пальцы вместе и снова их разняла.

– Я плохо спала той ночью… – сокрушенно призналась она. – А утром, совершенно измучившись от бессонницы, решила, что проще всего обратить произошедшее в шутку. Скажу вам честно, Макар, мне было совсем не смешно. В моем возрасте уже вредно не спать ночи напролет, и если б вы знали, какой развалиной я выглядела, когда спустилась утром в столовую! Но кто мог подумать, что она воспримет все именно так!

– О ком вы, Заря Ростиславовна?

– Об этой женщине, хозяйке гостиницы! Утром в столовой никого не было, кроме нас двоих, и я, как могла, осторожно намекнула ей на то, что гости могут испугаться того, кто живет у них в доме. Я хотела, чтобы она переубедила меня, чтобы мы мило посмеялись вместе. Но она даже не улыбнулась. Она не поняла мои намеки! Ах, Макар, я так растерялась… И тогда я сказала одно-единственное слово… я постаралась сделать это как можно более игриво, но, боюсь, у меня не очень получилось. Я сказала ей: «Привидение». Но она молчала, и я добавила: «Привидение, которое живет в вашем доме».

Лепицкая судорожно сделала глоток воды из чашки и замолчала.

– Что же дальше? – нетерпеливо спросил Илюшин.

– Боже мой… я догадывалась, что Эльвира Леоновна может быть злой и язвительной, но я никак не ожидала, что это оружие будет обращено против меня. Не хочу повторять вам

то, что она сказала… Но в выражениях Эльвира Леоновна не стеснялась, поверьте. Она высмеяла меня, едва ли не обвинила в старческом слабоумии! Мне пришлось фактически бежать из столовой, потому что эта женщина так разъярилась, что оставаться рядом с ней мне было попросту страшно.

Старушка покачала головой и добавила, вздохнув:

– И в самом деле, глупо, удивительно глупо с моей стороны было заикаться о привидениях…

Вернувшись домой после разговора с соседкой, Илюшин походил по квартире, рассматривая фотографии на стенах. Он любил свое жилище, и все здесь было сделано по его вкусу. Фотографии Макар обновлял по настроению, лишь одна оставалась неизменной: пейзаж с маяком на высоком морском обрыве – домик с красной черепичной крышей, россыпь желтых цветов вокруг него, бьющееся о камни ярко-синее море внизу.

История, рассказанная Лепицкой, не выходила у него из головы. От природы любопытный как кошка Макар с ходу придумал пять объяснений произошедшему и каждое отверг. Тогда он включил компьютер и пару минут спустя уже изучал сайт санатория «Залежный».

Узнав то, что требовалось, он позвонил Сергею Бабкину.

– Серега, я собираюсь подлечить спину и поэтому уезжаю завтра на пару недель. Дело о поиске Сахаровой остается

на тебе. Справишься?

– Постараюсь. Далеко едешь?

– В санаторий неподалеку от Тихогорска. Скорее всего, жить буду не в нем, а в частном пансионате.

– Зачем? – удивился Бабкин.

– В санатории, говорят, не лучшие условия. – Илюшин подумал и прибавил: – К тому же мне хочется найти ответ на одну небольшую загадку.

Глава 4

Эля задернула тонкую шифоновую штору, которую сшила сама и очень любила: свет, пройдя через шифон, становился золотисто-розовым, и все в комнате окрашивалось золотисто-розовым цветом – даже зимой, при холодном тусклом солнце. Весной и летом к золотистому добавлялся нежно-зеленый – от листвы на ветках, достающих до второго этажа.

На первый взгляд вся обстановка комнаты состояла из полок – самодельных, неровных – и большого стола с выдвижными ящиками. Стол в отличие от полок был добротный, сделанный по заказу умельцем Валентином Ованесовичем, и все в этом столе было подогнано под нужды владелицы, включая углубления по краям и отшлифованные выемки, в которые так удобно вставлять клубочки. Идею выемок Эля придумала сама и очень этим гордилась.

На полках сидели игрушки. Связанные крючком бараны и кудлатые овцы, яркие пятнистые жирафы и лошади с длинными цветными гривами, коты всех расцветок с пуговичными глазами и даже пара крокодилов – зеленых, как трава. Для крокодилов пригодилась металлизированная зеленая нить, которую Эля никак не могла никуда пристроить, и теперь два зубастых длинных хищника, похожих на глянцевые стручки гороха, угрожающе поблескивали с полки.

Но самой большой гордостью Эли были куклы. Они не за-

держивались долго в ее комнате, и потому она особенно тщательно их пристраивала, усаживала на самые удобные и хорошо освещенные полки: полосатых вязаных бабушек в передничках, милых пастушек в шляпках, с корзинками цветов в пухлых розовых ручках, крошечных младенцев в слюнявчиках и – любимых своих кукол – обычных мальчиков и девочек, которым Эля обязательно давала имена. Сейчас на полке сидели Андрюша, Мариша и Степа.

Вязать она научилась в семь лет, когда увидела, как тетя Роза быстро и ловко орудует палочкой с закорючкой, а из-под закорючки лезет что-то пушистое, желтое, живое и прекрасное, как маленький цыпленок. Правда, когда Эля заинтересовалась цыпленком, выяснилось, что получится вовсе не птичка, а скучный шарф, которым тетя Роза собирается греть горло. «Мохер очень теплый», – сказала тетя, как будто это что-то объясняло, а на вопрос племянницы ответила, что мохером называются нитки, из которых она вяжет.

«Мохер». Слово было грубоватым и звучало совсем неподходяще для клубка нежнейшего цвета, который хотелось баюкать и носить в ладонях. Эля подумала, поискала в памяти и назвала про себя пушистые ниточки «шеврон» – смысла слова она не знала, но ей казалось, что клубку подходит это название.

Крючок она освоила за две недели и заинтересовалась спицами. Из-под ее неловких детских пальчиков стали выходить какие-то клочки, кусочки вязания, которые распуска-

лись на глазах – девочка все время забывала, как нужно закрывать петли, или же сама снимала вязанье со спицы, бросала и принималась за новое, потому что ей хотелось поскорее взять в руки новый клубок, пощупать, проникнуться цветом и текстурой ниток. Таких слов, как «текстура», Эля, конечно же, не знала, но она быстро поняла, что из белого клубка, похожего на взбитый снег, получится белоснежная мягкая паутина, а из такого же белого, но похожего на крепко сбитый гладкий снежок, выйдет самая настоящая дорожка, плотная и скользкая.

Мать снисходительно смотрела на увлечение дочери, зато соседка с нижнего этажа, тетя Таня, которую Эля звала Танюшей, хвалила ее и с искренним восхищением рассматривала изделия, которые приносила ей девочка.

– Элька, у тебя золотые ручонки, – как-то раз сказала тетя Таня. – Через десять лет ты станешь такой мастерицей, что твои вещи будут продаваться на вес золота.

И ласково потрепала по макушке Эльку, подставлявшую голову, как котенок.

Эля любила Танюшу, потому что та не смеялась над ней в отличие от остальных взрослых, живших и бывавших в их большом доме. Как-то раз девочка услышала, что у Тани «вид как у голодной кошки». Так сказала тетя Роза, а мама отозвалась: «Все мы знаем, что той кошке надо», и голос у нее был презрительный.

Может, Таня и впрямь чем-то напоминала голодную кош-

ку, поскольку была худая, почти тощая, с нездоровым блеском в глазах… Зато она научила Элю делать «маникюр» из лепестков цветов, и девочка оборвала всю календулу в саду мамы, слюнявя лепесточки и аккуратно выкладывая их на ноготки, подбирая по размеру, чтобы сидели ровно и прилипали накрепко. Пока лепестки не высохли, можно было хвастаться новым «маникюром» перед подружками, а потом Эля нашла в саду у соседа малюсенькие фиалки, и целых два дня у нее был изумительный фиолетовый маникюр. Правда, сосед пожаловался маме, и про фиалки пришлось забыть.

Но следом за фиалками настала очередь вьюнка: его мыльной коробочкой хорошо было мыть руки, и Эля поочередно играла в больницу (она видела, как старательно мылит руки суровая громогласная медсестра, приходившая к ним домой лечить заболевших Лару и Ленечку), в повара и просто в чистюлю. Когда вьюнок надоел, Эля принялась варить варенье из апельсиновых и лимонных корочек и испортила две кастрюли, которые ей пришлось закопать в саду (тетя Роза так и не дозналась, куда они пропали). Став чуть постарше, девочка увлеклась духами и, прокравшись в комнату тети, подолгу сидела перед ее трельяжем, откупоривая толстые стеклянные флакончики и принюхиваясь к густой жидкости, а иногда и осторожно прикладывая к коже прохладный кончик пробки, смоченный капелькой парфюма.

Когда тетя Роза узнала о забавах с ее духами, Элю наказали, а флакончики спрятали в ящик, запиравшийся на ключ.

Тогда Эля решила готовить духи сама: в старой фарфоровой чашке, раскопанной на помойке, настаивались лепестки роз, а в железной кружке – лепестки пионов, которые пахли сильнее, а значит, и духи должны были получиться более ароматными. Настоявшуюся водичку девочка переливала в бутылочки из-под детского кефира, которым поили близнецов, закупоривала комочками ваты и выстраивала под шкафом – в сухом темном месте, как и рекомендовал хранить духи польский изготовитель, добросовестно напечатавший это предупреждение на коробочке. Правда, когда мама нашла бутылочки, их вылили, но к тому моменту Эля уже и сама остыла к духам – все равно они пахли совсем не так, как настоящие.

Она росла задумчивой девочкой, тихой и пугливой, совсем не похожей на ту обаятельную, веселую, общительную хохотушку, которую нафантазировала себе Эльвира Леоновна, мечтая о дочери. Когда Эле было пятнадцать лет, она узнала, что мать назвала ее именем, похожим на свое, не случайно: маме хотелось, чтобы дочь стала ее продолжением, унаследовала от нее лучшие черты. Но этого почему-то не случилось. Выросла Эля некрасивой, толстой, с носом картошкой и тусклыми волосами. А самое главное – ни к чему не пригодной. Поначалу Эльвира Леоновна скрывала свое отношение, но чем старше становилась Эля, тем бесповоротнее разочаровывалась мать в своей старшей дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.